

Polizruzi
Дарья Дебаева

«Полизлэйзия 1»

Дарья Лобастова
«Полизлэйзия. 1.»

«Автор»

2025

Лобастова Д. Н.

«Полизлэйзия. 1.» / Д. Н. Лобастова — «Автор», 2025

Когда-то существовала могущественная страна Полизлэйзия. Но из-за восстания девушки Лайки, недовольной властью короля Бубна, она распалась на две части, которые стали называться Полицейзия и Злэйзия. Между странами началась война. Вскоре у предводителей стран Лайки и Бубна родились дети. Один из них - Ково Страшилкин. Он загорелся желанием объединить страны, но получится ли у него это сделать? А главное, какой ценой?..

© Лобастова Д. Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. Полизлэйзия. Зарождение всех бед.	6
Рассказ 1. Предыстория.	6
Рассказ 2. Знакомство. Нарушение закона.	12
Часть 2. Развитие событий.	43
Рассказ 3. Урок 1. Охота.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Лобастова **«Полизлэйзия. 1.»**

В 4 года мама подарила мне набор пластмассовых собак. Я очень любила ими играть. Позже к этому набору добавились другие фигурки. Появились и рисунки этих собак. И самые первые, немного смешные и наивные истории про них. Моей любимой фигуркой был щенок по имени Ково.

Со временем образы собак трансформировались для меня в человеческие.

И на рисунках я стала изображать их в виде людей. Эти фигурки и сейчас лежат в моей комнате. Я уже давно ими не играю... У них другое предназначение – стать героями моих произведений...

Мальчику Ково, воплощению моих фантазий, посвящается...

Часть 1. Полизлэйзия. Зарождение всех бед.

Рассказ 1. Предыстория.

Испокон веков все страны мира живут по принципу: наша страна – самая лучшая! Она самая большая и богатая! И для того, чтобы доказать это, люди вторгаются на территорию других стран и начинают войну. Но не стоит забывать, что самая кровопролитная и ожесточенная война всегда идет внутри самого человека, и он сам решает, какая сторона в нем одержит победу – добро или зло, выгода или правосудие, жизнь или смерть...

Когда – то существовала могущественная страна – Полизлэйзия. Жители этой страны жили дружно – их связывал командный дух, а также вера в себя и друг в друга. Управлял этой страной справедливый, но жестокий король Бубен. Из-за того, что многие законы в стране, принятые им и его предками, были попросту нелепы, жители были недовольны его властью, но боялись поднять восстание, так как жестокий закон гласил – в этом мире не место тем, кто не боится высказывать свою точку зрения.

Одной из тех, кто не побоялся пойти против власти короля Бубна, была юная девушка Лайка Страшилкина. Тогда ей было 13 лет. Она собрала группу единомышленников и, возглавив их, отправилась в столицу страны – Сокорск с намерением свергнуть власть.

К сожалению, восстание Лайки не увенчалось успехом. Как только она в сопровождении группы поддержки вошла во дворец короля Бубна, охранники выставили ее за дверь. А король Бубен заявил: «Ты осмелилась попытаться свергнуть меня, поэтому понесешь за это наказание... Твоя участь – изгнание!»

Но оказавшись в столь тяжелом положении, отважная девушка не пала духом, напротив, эта ситуация помогла ей обрести еще большую уверенность в себе. Будучи изгнанной из страны, Лайка вынудила своих товарищей не сдаваться.

Тем не менее, она затаила личную обиду на короля Бубна и на свою бывшую родину и решила, что выход один – месть. Лайка приняла решение создать собственное государство, еще более могущественное, чем ее бывшая родина и дала ему название – Злэйзия.

Именно с той поры Полизлэйзия под руководством короля Бубна стала называться Полицейзией, а вновь созданное государство Лайки, расширившееся территориально, чтобы звучать более официально – Злэйзкой Империей.

Но и это еще не все. Чтобы окончательно выразить свою ненависть по отношению к своей бывшей родине, Лайка начала войну с Полицейзией. Король Бубен и жители Полицейзии приняли вызов.

Для участия в войне со Злэйзией король Бубен решил собрать команду, состоящую исключительно из детей и подростков до 15 лет. Это решение было вызвано необходимостью сохранить большинство населения страны, а также более высокой способностью детей к обучаемости, которая пригодится при ведении боевых действий. Логично, не правда ли? Каждый член команды должен был уметь постоять не только за себя и своих товарищей, но и за всю страну и ее жителей.

Лайка нагло позаимствовала эту систему и также набрала свою армию добровольцев, состоящую из подростков до 15 лет. Она начала тщательно готовить их к битве.

По взаимной договоренности сторон битва должна была происходить ежемесячно, исключительно в последнее число месяца.

Лайка провела тщательный отбор бойцов и включила в состав команды трех сильнейших подростков. Каждый из них был полезен по-своему: Далман Пятновский мог легко обхитрить кого угодно, Боксер Перчаткин был способен повергнуть любого во время битвы, а Дворни

Тяжжина обладала такой «неземной красотой», что одним своим внешним видом могла ввести кого угодно в состояние комы... Кроме того, Дворни убиралась в замке и считалась незаменимой помощницей.

В отличие от Лайки, Бубен не стал так тщательно заниматься подбором бойцов и попросту набрал «толпу с улицы». Она состояла из 60-ти человек, причем запах от некоторых из них стоял такой, словно они за всю жизнь ни разу не мылись...

«Пожалуй, это стоит считать преимуществом, – отметил про себя король Бубен, – ведь при их виде любой здравомыслящий человек мог попросту упасть в обморок...»

Более-менее адекватными из всей этой толпы были только двое – Боберман Деревенщина и Арка Магнитова. Но и они были «слегка с приветом», и с их подачи в любом месте и в любое время мог неожиданно начаться «бесплатный цирк».

Кстати, Бобику Деревенщине было далеко за 70, и он единственный не вписывался в возрастные рамки, установленные королем Бубном. Но поскольку он обладал не в меру непоседливым, шумным и юморным нравом, его сочли за подростка и включили в ряды команды.

Члены этой «могучей кучки» совершенно не умели работать в команде и не желали этому учиться. Как только речь заходила о какой-то совместной деятельности, даже в форме игры, они буквально разбегались в разные стороны... Что уж тут говорить о дисциплине... ее попросту не было.

Именно поэтому «злые собаки» всегда побеждали полицейских в любой битве, какой бы сложной она не была, и за всю историю не разу им не проиграли. Причем, их не смущал даже запах... И это при соотношении сил трое к шестидесяти...

Так они и жили – от сражения до сражения, начиная готовиться к каждому из них примерно за две недели. Изредка те и другие сцеплялись с племенем «индийских собак» – третей, крайне воинственной, а также самой малочисленной командой большого материка Пангея.

Про это племя ходили слухи, что его члены славились любовью к каннибализму... И никто доподлинно не знал, слухи это или чистая правда... Да и как это было проверить? Не пойдешь же ты к ним и не спросишь: «Не желаете ли вы мной позавтракать?»

Но время шло, и с годами многое поменялось. Королеве Лайке и королю Бубну надоело жить в одиночестве, и они стали подыскивать себе пару. Казалось бы, это было несложно сделать при их высоком статусе. Но все же потребовалось достаточно времени, чтобы найти себе спутников жизни.

Королева Лайка «удачно» для себя познакомилась в круизе с недоизобретателем Шрамом Шанелем. Прогуливаясь по палубе теплохода, бороздящего морские просторы торгового города Египта, Лайка случайно наткнулась взглядом на плавающего в бассейне мужчину. Им и оказался Шрам. Лайка влюбилась в него с первого взгляда и поняла, что это ее суженый. Непонятно, что так пленило ее в его образе: то ли фигура двухметрового роста, то ли исходящий от него аромат духов «Шанель» с примесью гнилых цветов... Так и начала разворачиваться история их любви. Как же рада была Лайка, когда узнала, что это взаимно...

И хотя позже выяснилось, что Шрам оказался весьма недалеким, и все его изобретения находили себе место, как правило, на свалке, Лайка осталась верна своему выбору...

Король Бубен долго не мог найти себе достойную пару... Однажды он включил телевизор и узнал из местных новостей о том, что в Злэйзии происходят необычные события...

«Здравствуйте, с вами программа «Узнай новости чужой страны через новости». Сегодня в Злэйзкой империи случился настоящий инцидент – из страны была изгнана активная противница войны (я бы даже сказала яростная пацифистка!) и политическая активистка...» – эмоционально вещала телеведущая...

«И кто же это?» – задумался Бубен, и тут же услышал ответ на свой вопрос из уст телеведущей – «12-ти летняя Молли Крюк из Костограда. Она была вынуждена покинуть свою страну за то, что постоянно мешала проведению военных действий и не боялась высказывать

свою точку зрения. В данный момент девочка выслана на территорию леса индийских собак. И ей уже предсказана судьба злэйзким шаманом Василием. И это – неминуемая смерть. Покарай Молли Группа, и перейдем к следующим, не менее важным новостям ... Начиная с сегодняшнего дня в Сокорском магазине «Четверочка» открывается новая акция – 1 рулон туалетной бумаги по цене 3-ех, успеете приобрести...»

Отмечу, что Группа – это божество, которому все поклонялись.

На этом моменте Бубен поставил новости на паузу и отмотал запись обратно, чтобы получше рассмотреть фотографии Молли. Ее история вдохновила его, и он понял, что влюбился в нее с первого взгляда...

Но что нужно сделать, чтобы они были вместе? Правильно, отправиться спасать ее, пока «индийские собаки» не добрались до такого маленького, хрупкого ангелочка первыми и безжалостно не «сожрали» ее.

Он считал это своим святым долгом и немедля отправился в путь.

Молли словно сама чувствовала, что спасение близко... Тогда ей было не важно, кто ее спасал и с какой целью... Главное было – выбраться отсюда живой. Поэтому, когда спасение пришло в лице короля Бубна, она не стала отказываться от предложения руки и сердца и заняла место королевы Полицейзии под именем Молния. Она быстро вжилась в свою новую роль королевы, скрыв свою национальность.

Вскоре у пары родилась красавица дочь – Щентия Фуражкина, или просто Щенка. И всем-то она была хороша: и линию прямо могла нарисовать, и голосом Бабайки спеть, только вот незадача, была упрямая невпроворот... И ничему ее не научишь, если она сама этого не захочет. На то она и принцесса Щентия 17-ая...

У королевы Лайки спустя четыре года тоже родился ребенок, только вот не от Шрама, а от какого-то богатого иностранца, личность которого была не до конца известна. Шрам был в длительной 10-летней командировке и не знал, вернется он к Лайке или нет, как было ранее запланировано. Узнав о существовании Шрама, Лайкин иностранный ухажёр тут же исчез. Он умело замел за собой все следы, но надо отдать ему должное, оставил Лайке немалое наследство, из-за чего впоследствии «злые собаки» разбогатели.

Королева Лайка назвала своего первого и единственного сына – Ково. Ково Страшилкин – звучит неплохо, не правда ли? Но из-за высокой занятости она не могла уделять должного внимания его воспитанию и почти сразу поручила его своей 20-летней племяннице Золоту Страх, а также Далману Пятновскому из основного состава бойцов.

Ково и Щенка росли в совершенно разных условиях, но сближало их то, что их воспитанием практически никто не занимался. По этой причине можно было предположить, что из них не получится ровным счетом ничего, но это только пока... вот они подрастут и...ничего не изменится.

Щенкиным воспитанием пыталась изредка заниматься Молния. Но куда там, ведь под боком бегают орущая толпа детей и подростков из 60-ти человек, которых надо не только кормить, за ними необходимо еще следить и убирать...

При этом гораздо больше внимания доставалось не уже подросшей Щенке, а ее годовой приемной сестренке – Щенке Кенкиной, появившейся неизвестно откуда и с первого дня ставшей любимицей в глазах королевы Молнии и в первую очередь короля Бубна. Он в ней души не чаял за ее ангельские глазки.

Ревность сводила Щенку с ума, и ее полизлэйзкая сущность дала о себе знать... А ведь никто в стране, и уж конечно она сама, не знал о тайне ее происхождения. Но мы-то прекрасно помним про корни Молли Крюк...

Щенка воспитала и научила всему себя сама, она росла самолюбивой и дерзкой, а когда ее родители наконец-то взяли за ум и начали принимать какое – то участие в ее жизни, чтобы

перевоспитать ее, – было уже слишком поздно... Характер Щенки окончательно сформировался.

Не помогло в этой ситуации и торжественное зачисление Щенки в «элитный класс» и группу «Мозги команды» ... Честно говоря, Щенка этого не заслужила. Однако, ей и самой это было совершенно безразлично. Поэтому родители Щенки по инициативе Бубна окончательно отступились от нее...

Воспитанием принца Злэйзии Ково Страшилкина также практически никто не занимался. Лайка, как было сказано, поручила его другим членам команды. Шрам ни разу за десять лет не приехал навестить его. Но у Шрама как раз-таки были на то уважительные причины: во-первых, это был не его ребенок; во-вторых, десять лет еще не прошло...

Единственным другом, которому Ково был нужен, стала его личная служанка -телохранитель – Дворни Тяжкина. Она же – член основного состава команды.

Всем остальным, включая Золото, Далмана и Бокса, не было до него совершенно никакого дела... А может быть, по той причине, что с самим Ково Страшилкиным с самого рождения было что-то не так? За все свои девять с половиной лет жизни он ни разу никого не убил, со всеми вел себя, как юродивый и, что самое отвратительное – по знаку зодиака он был рептилоид, потому что родился в последнее число февраля месяца високосного года. Этот день считали проклятым, так как по легенде обычно 29 февраля рождаются не чистокровные злэйчане, а так называемые мутанты, в злэйзкой крови которых была примесь полицейской крови. Хотя все мы понимаем, что это какой-то бред...

Таким образом, в Ково никто не видел ничего стоящего, даже его собственная мать Лайка. И это при том, что сам он делал всем только хорошее и шел по тому пути, по которому когда-то шла Молния...

У Ково были причуды: он каждый день наносил на себя «тонну макияжа», носил длинные свободные одежды и пиджаки, похожие на платья, и надевал на себя множество украшений, считая, что так он выглядит стройнее и привлекательнее...

Также не забуду упомянуть про то, что он вел не совсем правильный образ жизни, беря пример со своей матери. Да, надо сказать, что Лайка не отличалась примерным поведением... Ее молодость протекала бурно, клюквенный сок и другие спиртные напитки были постоянными атрибутами этой героини. В шестилетнем возрасте Ково и сам испытал на себе все это...

А откуда я, рассказчик, столько про него знаю? Да потому что я и есть – Ково Страшилкин.

Несмотря на то, что все злэйчане считали меня изгоем, я вовсе не являлся им. Просто на данный момент я был единственным из них, чья душа не очернилась и не утратила способности чувствовать, любить и сострадать к девяти с половиной годам. Все остальные злэйчане, и в первую очередь жители столицы страны – Конурска, а также члены основного состава начали постепенно «прогнивать изнутри» и по прошествии нескольких лет стали похожи на маленьких чертят, за что и были прозваны «злыми собаками».

Жители других стран боялись злых собак за их жестокий характер, а также за необычную внешность, которая могла ввести в ступор любого, кто осмелится посмотреть в их сторону.

Таковыми злэйчане стали не сразу, а после нескольких лет нелегкой жизни на территории северной тайги. В самой глуши леса располагалась недостижимая Камнезлэйзкая пещера, в которой находился волшебный камень – Шестигранный ромб, который и делал злых собак такими... Это он отрицательно влиял на них своей аурой, он заставлял их становиться бесчеловечными и превращал в злые ничтожества.

За многие годы никто не пытался найти этот камень и сломать, ведь никто не знал, где находится эта загадочная пещера. Кроме того, все боялись, что ромб поразит их своей отрицательной энергией и уничтожит раньше, чем они его. Ведь для того, чтобы справиться с ромбом

и не поддастся его отрицательному влиянию, нужно было иметь все части Солнечного амулета – полной противоположности ромбу, единственному камню, которой способен победить его и разрушить. Жаль только, что одна из частей Солнечного амулета была утеряна еще со времен Главной Полицейской Собаки, прародительницы всех «собак», а вторая часть украдена Лайкой 1-ой Серой Фуфайкой еще десять лет тому назад из рук полицешек, которым и должен был по праву принадлежать весь амулет.

Таким образом, жители Злэйзии успели заработать ужасную репутацию не только в глазах полицешек, но и во всем мире, из-за чего правительство Полицейзии было вынуждено выпустить новый закон, нарушать который, как и все остальные, было нельзя. Надо сказать, что законы в Полицейзии не отличались особой логикой и наличием здравого смысла, и это был, пожалуй, единственный адекватный закон за последние двадцать лет. Он гласил: «Не при каких обстоятельствах, не считая период военного времени, не заходить на территорию злых собак и уж тем более, ни в коем случае не заговаривать с ними первыми и не откликаться на их мольбы о помощи. Они могут запросто вас обхитрить и ...съесть». Чушь собачья. Мы никого не едим...

И до сих пор действует строгое правило, которому должны подчиняться все – обходить всех злых собак стороной.

Их достаточно легко отличить от своих:

- зрачки у них узкие, как спички;
- зубы острые, как кинжалы;
- волосы взъерошены;
- глаза нестандартного оттенка: чаще всего – кроваво-красные, реже желтые; также бывают оранжевые и фиолетовые; а самые редкие – розовые...

Рассказ 2. Знакомство. Нарушение закона.

А теперь мы вернемся в настоящее время. К концу последнего года первого тысячелетия все шаманы предсказывали глобальную катастрофу, способную уничтожить все человечество... Зима, по их прогнозам, должна была выдаться теплая и влажная, а осень начаться с бабьего лета... Но их предсказания на самом деле не сбылись. Правдой оказалось только то, что осень одарила нас множеством ярких листьев. Никакой катастрофы не случилось.

Разве что внутри каждого из нас происходило немало войн и противоречий, последствия которых исправить не под силу даже самому Группе. Чего уж тут говорить о нас, людишках... Но не стоит забывать, что не во всех наших проблемах виноват кто-то другой. Во многих из них виновны мы сами...

Стояла середина сентября. Около пяти часов утра Щенка, мирно спящая на своей кровати в обнимку с мягкой игрушкой, непроизвольно заворочалась и открыла глаза. Ее разбудил храп десятилетней академистки – Кентии Медальоновой.

«Перестань храпеть!» – сердито цыкнула на нее Щенка и кинула в Кенку подушкой, чтобы та замолчала. Это помогло. К счастью, никто не проснулся, включая саму Кенку. Она лишь сонно проворчала что-то себе под нос и продолжала спать в обнимку с Щенкиной подушкой, не издавая больше никаких звуков, лишь тихо посапывая.

Щенка высокомерно вздохнула и, грациозно прыгнув с кровати, аккуратно направилась к выходу из «общежития», медленно перешагивая через каждого из академистов, лежащих в ряд. Она старалась не наступить кому-нибудь из них на голову, что было крайне нелегко с ее то «лошадиной» грацией. Она совсем не подумала о том, что можно было попросту их обойти... Но, вот незадача, «пионеры» лежали слишком близко друг к другу, а Щенка недостаточно тщательно смотрела под ноги.

Щенка уже почти дошла до конца, удачно через всех перешагнув, но к несчастью заехала каблуком прямо по лицу одному из них – семидесятилетнему сорокагоднику – Боберману Деревенщине, отдавив ему ноздрю.

– Ой, извини! – прошептала Щенка, почувствовав у себя под ногами живого человека.

Но Деревенщина лишь спросонок бормотал себе под нос: – А? Кто здесь? Я вам шо, ламинат шо ли, шобы по мне лапами своими грязными ходить-от?

«Группа мой, он же сейчас всех разбудит...» – испуганно подумала про себя Щенка и ненароком встав ему на шею, запела: «Баю – баюшки – баю... Не уснешь – тебя убью...». Удивительно, но Деревенщина начал задыхаться, а через пару минут и вовсе побледнел и закрыл глаза.

«Странная реакция... – подумала Щенка, – наверно ему очень понравилась моя песня». И она продолжила уверенно шагать к двери через эту полосу из живых препятствий, чтобы как можно скорее покинуть это чересчур людное место.

К счастью, несмотря на то, что она видела себя перышком, а на самом деле топала как слон, – Щенку никто не заметил, и она спокойно дошла до края общежития без происшествий, взяв с собой только самые нужные вещи: розовый прогулочный рюкзак, который она всегда брала с собой и свою любимую игрушку – плюшевого зайку по кличке Кефир.

Она не стала брать с собой не пирожные, не мороженое, которое она обычно ела на завтрак. Сейчас ей было совершенно не до этого. Еще вчера в ее пустой голове созрел план сбежать из дома и хоть на денек отправиться пожить в Злэйзкий лес – Уголок Смерти, чтобы хотя бы раз в жизни увидеть настоящих злых собак и подружиться с одной из них.

Щенка с детства мечтала там побывать. Ее злэйзкие корни манили ее на родину, а она всегда слушала в первую очередь зов сердца, а не наставления своих родителей и учителей. На все их нудные советы и нравоучения она обычно отвечала: «Не обязана!» и на этом разговор,

как правило, подходил к концу. Такой уж у нее был характер – самой настоящей полизлэйзкой собаки.

Кенкин храп был Щенке даже на руку. «Если бы Кенка так удачно не начала сопеть прямо под утро, – размышляла она про себя, – то, возможно, я бы не успела проснуться раньше остальных... В следующий раз нужно обязательно не забывать ставить будильник, если я собираюсь куда-то идти... Нужно потом отблагодарить Кенку, если она, конечно, проснется...» – закончила размышление Щенка и раздавила ногой большой красный сатанинский гриб, удачно подвернувшийся ей на глаза.

Этот гриб и стал признаком того, что Полицейский лес подошел к концу. Начинался Злэйзкий. Почувствовав резкий холод в теле и легкую дрожь, девочка с непривычки подняла глаза на небо и невольно заулыбалась от экстаза, что с ней происходило очень редко. Небо над территорией Злэйзии было ярко – красное, хотя солнце также, как и в ее стране, все еще не взошло.

«Ой, красотища-то какая...» – поразила Щенка собственному красноречию и с опаской продолжила двигаться дальше, все глубже заходя в чащу леса и все сильнее отдаляясь от границы красной линии, которую она, замечтавшись, ненароком переступила.

Все кругом выглядело совсем иначе. Даже трава отличалась от той, какую Щенка привыкла видеть. Она не была свежей и зеленой, а отдавала пепельно – желтым оттенком и навредила уныние на любого, кто на нее посмотрит.

Но даже этой траве не удалось испортить настроение Щенки. Она не обращала внимание на подобные мелочи и продолжала идти, нещадно давя по дороге ядовитые растения и грибы, служившие для злэйчан пищей.

Деревья были совершенно не похожи на те, которые Щенка видела на картинках из книжек со сказками. В них было что-то такое, чего даже сказочник придумать не мог; в народе это называли Злэйзкой изюминкой. Большинство из них имели огненно – оранжевый окрас, а весь их ствол был покрыт черными, как уголь шипами, которые и портили всю картину, наводя ужас и панику. Поэтому их и прозвали Оранжевый ужас.

Следующий вид, попавшийся Щенке на глаза, тоже не просто так получил свое название. Обвисшей пылью их называли не только за то, что ствол у них был грязно – коричневого цвета, а в первую очередь за то, что с их толстых, как бабкины руки, веток свисали до самой земли огромные, серые, как борода деда, клочья пыли до самой земли. Они нагоняли уныние, вводили в состояние депрессии всех приезжих и полицешек, и с Щенкой должно было случиться то же самое, но с ней этого не произошло. Она даже носом не повела. Она же полизлэйзкайка собака...

В то время, как Щенка уже успела обойти половину леса, ничуть не задумываясь о том, как она собирается возвращаться обратно; злые собаки, а точнее их основной состав, тоже не скучали и решили выйти на утреннюю охоту с целью проветриться, как они обычно это делали, когда им нечем было заняться, предварительно позвав меня с собой.

Мне искренне не хотелось куда-то идти в такую рань, но выбора не было – отказываться было не хорошо. Мы четвером медленно передвигались по лесу в поисках укромного местечка для разведения костра, где нам удастся не только передохнуть, но и, воспользовавшись своими навыками в плане ориентирования, распределить между собой участки леса, на каждом из которых мы, как и всегда, по одиночке будем охотиться.

По пути трое из нас, а именно – Далман, Бокс и Дворняжка не хотели упускать возможности поймать кого –нибудь из полицешек. Но, к сожалению, у них ничего не получалось, потому что они привыкли работать по-отдельности, а не в команде, и это им мешало. Никого не поймав в течение получаса, они рысцой шли по опушке, выставив вперед копыта, и на них совсем не было лица.

Бокс начал нервничать, а Дворняжка и Далман уже представляли, каких сочных тумачков надает им Лайка, если они опять никого не поймают. Один только я спокойно шел позади всех и никуда не торопился и был совершенно не обеспокоен происходящим.

Дворняжка что-то мычала себе под нос. Это протяжное мычание вывело Бокса из себя, и он остановился, недовольно всплеснув руками.

– Какого черта? – прокричал он, останавливая движение. – Почему, когда не надо, этих полицешек в наших краях пруд пруди, а когда надо, так сразу никого? Зачем мы вообще пошли на охоту в такую рань? Ведь Лайка не отдавала нам приказа!

– Заткнись, идиот! – не дал ему толком повозмущаться Далман, – от того, что ты сейчас выскажешь свое недовольство, никто из полицешек не выйдет к нам навстречу и не залезет в мешок со словами: «Убейте меня!»

Бокс сделал вид, что ничего не слышал, потому что не привык слушать кого-то, кроме себя самого, и демонстративно закатил глаза.

Я, идущий неподалеку, лукаво усмехнулся и продолжил путь, пока не услышал пронзительно звонкий смех, который заставил меня приостановиться.

Это Дворняжка демонстрировала свою реакцию на диалог сокомандников, и как только их разговор завершился, воскликнула:

– Хи-хи-хи-хи-хи, очень смешно, ребята, я обожаю вас за ваш черный юмор. Хотите я тоже расскажу вам кое – что нереально смешное?

– Нет... – попытался остановить ее Бокс, зная, что пик ее юмора – это отсутствие юмора. Но она пропустила его слова мимо ушей.

– Знаете, почему олени всегда уверенно стоят на ногах? – спросила она у нас, выжидая паузу, чтобы дать нам возможность ответить.

– Не знаем и знать не хотим, – раздраженно ответил Далман, хмуро раздвигая копьём ветви кустарника.

– А вот и не... – начала отчитывать нас за неправильный ответ Дворняжка, пока не поняла, что мы так ничего и не сказали и пробормотала: – Погодите, стоп, что? Короче, на самом деле ответ такой – у оленей меняется плотность копыт в зависимости от сезона! В зимнюю стужу копыта у них твердые, как шипы, а ближе к лету они становятся мягкие!

– Кто, олени или копыта? – как всегда ничего не понял Бокс.

Далману очень хотелось выругаться, но он старался сдерживать себя, поэтому молчал, прокладывая дорогу к опушке. Поняв, что он сам только что поставил себя в неудобное положение своим вопросом и мог показаться глупым в глазах Дворняжки, Бокс усвоил для себя, что в следующий раз лучше промолчать и решил сменить тему разговора.

– Это что, сейчас был намек на то, что я похож на оленя? – с иронией поинтересовался он, вызвав тем самым громкий смех с моей стороны.

Мне не показалось смешным то, что сказала Дворняжка, зато ответ Бокса убил меня наповал и я, схватившись за живот, стал издавать набор нечленораздельных звуков. Видимо, это было на меня совсем не похоже.

– Страшилка, все в порядке? – тревожно осведомился Далман, достаивая меня своим вниманием, но его наглый сокомандник не дал ни ему договорить, ни мне ответить на вопрос.

– Ты чего ржешь, имбецил? – задал он мне серьезный вопрос, а затем, поворачиваясь к Далману, продолжил: – Зачем мы вообще взяли этого малолетнего придурка с собой? От него толку ровно столько же, сколько от первоклассника вне стен столовой!

Его замечание крайне обидело меня, и я с укором посмотрев на него, закричал: – Эй! Что ты о себе возомнил?

Далману тоже не понравился вывод, который Бокс сделал обо мне, и он решил вступить за меня, хотя прекрасно знал, что не получит за свое поручительство никаких денег.

– Хватит. Это его первая охота, и он не обязан сразу же показывать шедевральный результат. Наша задача – научить его всему, а не подсмеиваться над ним у него за спиной.

– Да что ты? – с усмешкой перебил его Бокс, – обходя его стороной и обгоняя. – Все, что ты делаешь – так это ломаешь ветви не в чем неповинных кустарников, что между прочем, карается законом.

Далман с упреком посмотрел на него и в свою очередь, обогнав, произнес:

– И что с того? Ты еще сам никого не поймал.

И он нырнул в кусты.

На этом разговор должен был подойти к концу. Я неторопливо догнал их и нырнул вслед за ними в зелень кустарников, Дворняжка последовала за мной.

– Не нужно строить из себя героя! – решил продолжить Боксер, оказавшись уже на другой стороне поляны. – Все мы знаем, что ты так страстно поддерживаешь Страшилу только потому, что тебе платят за это деньги!

Далман огрызнулся, а Бокс с презрением глянул на меня и продолжал:

– А ты вообще молчи, если не хочешь, чтобы это копьё вошло в тебя и пронзило насквозь! Его угроза ни капли не испугала меня, а даже наоборот, взбодрила.

– Хочу! – утвердительно провозгласил я и притянул его за кончик копья к себе, с целью сподвигнуть на этот шаг.

Но Бокс, тяжело вздохнув, грубо оттолкнул меня острием копья в сторону со словами: – Да ну тебя... мелочь костлявая! – и начал двигаться дальше по поляне, поросшей редкими ветвистыми деревьями.

Наверное, он не сделал этого из-за того, что испытывал ко мне сострадание и уж наверняка не из-за того, что боялся испортить свою заработанную непосильным трудом спортивную репутацию, легкомысленно подумал я, ничего не смыслящий в этом жестоком мире, и продолжил двигаться вслед за остальными.

Мы устремились вдаль поляны, пробегая мимо всяческой березы, и только тут заметили, что, увлекшись охотой, случайно попали на территорию полицешек. Мы сразу же покинули ее, соблюдая закон, и правильно сделали, вернувшись на участок земли, которая по праву принадлежала Лайке и была в свое время отобрана ею у проворных западных каннибалов.

Если бы мы вовремя не покинули край Пестрого поля, то уже не вернулись бы с него живыми, так как были бы замечены и схвачены, ведь буквально через секунду на поле показались охранники, патрулирующие местность и проверяющие нет ли нигде поблизости злых собак.

Эти двое работников в кои-то веки впервые занимались делом, а не придумывали тупые отговорки, почему каждый день кого-то из них нет, и не стояли сонные у заднего входа во дворец, делая вид, что охраняют его, а на самом деле видя уже десятый сон.

Никогда не нарушайте закон, а иначе, те, кто его придумал, жестоко покарают вас.

– Тебя что, жизнь вообще ничему не учит? – с презрением спрашивал Далман, видя, как Бокс пытается перегрызть мое копьё зубами, ломая их при этом.

Мне было смешно наблюдать за Боксом, так как в этот момент он был очень похож на бобра, а еще меня радовало то, что нам всем весело вместе, и нас впервые спланивает что-то, кроме общих командных дел.

В это время Дворняжка принесла с соседней поляны груды сырых кленовых листьев, залитых дождем. Это было крайне нелегко, но она справилась.

– Эй, народ! – интригуяюще проговорила она, – кто-нибудь из вас знает, почему бегемоты какают кубиками?

Судя по лицу Далмана, она поняла, что это было не лучшее начало для продолжения разговора...

– Все, хватит с меня этих ваших шуточек... – гневно пробормотал он, дополняя свой ответ пояснением, – еще одной ссоры нам не хватало!

Обиженная Дворняжка гордо шмыгнула носом и отвернулась. Далман же, заметив, что мы с Боксом начинаем ссориться из-за куска сала, найденного на дороге, воскликнул:

– Эй, вы! Два петуха! И Дворняжка... – смотрите, какое местечко я нашел! Как считаете, подходит для остановки?

К тому времени начало светать. Щенка поняла это, и попыталась сориентироваться по расположению солнца, где север, а где юг, – как это учил их делать учитель физкультуры и по совместительству боец – Песто Светлов, но у нее ничего не получилось. Она была слишком глупа для того, чтобы воспользоваться этим способом.

И как бы она не пыталась, какие бы старания не прикладывала, у нее все равно не получилось найти дорогу домой. Совсем отчаявшись и позабыв о том, что выход есть всегда, вне зависимости от ситуации, она уже хотела сесть на пенек и расплакаться, поняв, что останется здесь навсегда, пока не увидела... маленький огонёк в далеких зарослях кустарника. «Да, это выход в Полицейский парк, я нашла его!» – обрадовалась она и не о чем не думая, бросилась бежать на свет.

Добежав до нужного места, Щенка раздвинула руками ветви кустарников, надеясь увидеть за ними полицейский патруль, отправленный на ее поиски и разводящий в этих местах костер. Какого же было ее удивление, когда вместо этого перед ней предстала такая картина: покрытая мраком опушка, сверху до низу пропитанная мглой, землю которой освещал только маленький, неаккуратно разведенный костер, который и являлся источником загадочного света, и кучка собак вокруг него, присевших отдохнуть и безмятежно болтающих на свои темы.

Ближе всего к костру находился юноша с белоснежными взъерошенными волосами, стоявшими дыбом на его голове. Он выглядел намного крупнее остальных, и с первого взгляда впечатлил Щенку. Она дала бы ему от силы лет 18. «Его глаза были молочно – оранжевого цвета, как кефир в смеси с ряженкой, а зрачки в них черные и узкие, как спицы, что было крайне странно для полицейской собаки...» – подумала Щенка, но ее это не смутило, и она продолжила разглядывать незнакомца. На нем была надета салатовая рубашка очень свободного покроя, в которой он выглядел, как девчонка. А сидел он словно «нараспашку», как барин на печи и одним своим взглядом словно бы говорил – «А ну-ка, кто на меня?»

Немного подалее от огня сидел, нервно раскачиваясь из стороны в сторону, еще один мальчик бойцовской внешности. Его волосы были вороного цвета и торчали вверх, точно наэлектризованные, а глаза сияли в утреннем полумраке кроваво-красным огнем. Одним своим видом он наводил страх и отчаяние и создавал плохое впечатление о себе и других, поэтому Щенка быстро отвела от него взгляд, и переключила свое внимание на следующего незнакомца.

А следующей, кто бросился Щенке в глаза, стала Дворняжка – девочка 13-14 лет. Она сразу же заинтересовала ее своей привлекательной внешностью: фиолетовые глаза так и притягивали внимание, рыже-коричневые волосы так и напрашивались, чтобы их расчесали. Щенка всегда мечтала о такой уверенной в себе подруге и поняла, что не отказалась бы с ней подружиться, если бы появилась такая возможность.

Дальше всех от костра сидел мальчик 9-10 лет на Щенкин взгляд, и она не ошиблась. Это был я. Мои черные, как вороново крыло волосы свисали почти до плеч густыми, непричесанными прядями, а длинная, неподстриженная челка была убрана в сторону, но все равно лезла в глаза. Сами глаза светились темно-алым огнем, а в них словно лампочки горели два чёрных зрачка.

Мой внешний вид крайне впечатлил Щенку, и она, проявив ко мне интерес, за считанные секунды влюбилась в меня, как динозавр из мультфильма про собачку Кланю в главную героиню, забыв о том, что она уже занята. Она полюбила во мне все: и мою неидеальную фигуру, и мои слишком тонкие губы, и в первую очередь, кровоточащую, еще не успевшую зажить царапину. Не зря говорят, что первая любовь – самая светлая и невинная, как ангельский нимб в ночи. Следующая мысль, пришедшая девочке в голову, была такая: «Я хочу с ним встречаться!»

Поскольку мы не сидели сложа руки, а занимались жизненно необходимым делом, а именно – разговаривали, Щенка втайне решила подслушать наш разговор, чтобы определить, из какой мы команды, словно до сих пор она этого не поняла и, развесив уши, притаилась в кустах.

Мы только что закончили поливать грязью мой любимый Злэйзкий мультик про пластмассовых собачек, в котором речь шла вовсе не про собачек, но назывался он так, потому что в нашем мире всех людей называли собаками.

Кстати, Бокс только делал вид, что ему не нравится этот мультик, а на самом деле он обожал его больше своей жизни, но боялся нам даже заикнуться об этом, так как возрастное ограничение у этого мультика было 5-9 лет (то есть после 9 лет, как вы понимаете, его смотреть было уже нельзя). Затем мы приступили к обсуждению более важных жизненных тем, не обсудить которые в десятый раз было грехом.

Далман закинул удочку для нового разговора.

– Ну, чего сидим, народ? – спросил он, – давайте лучше обсудим что-нибудь другое, например, чего бы вы хотели больше всего прямо сейчас?

Этот вопрос уже не раз звучал в нашем кругу, но мы все равно достаточно часто возвращались к нему, да и на этот раз не стали его игнорировать, потому что за два дня у многих мечты могли поменяться.

– Прямо сейчас я очень хотел бы вмазать тебе по морде! – с вожделием отметил Бокс. – Это такое увлекательное занятие!

Далман с сожалением посмотрел на него, осознавая, насколько он все-таки жалок, и тот, поняв, что в очередной раз изрек какую-то чушь, решил поправиться, уточнив:

– Сарказм...это был... но все же, признайте, это увлекательно!

– А я бы прямо сейчас не отказалась от корочки черного хлеба... – тихо промолвила Дворняжка. – Я всегда мечтала хотя бы раз в жизни его попробовать, а одной корочки мне хватит, чтобы наесться!

– Ясно, – прервал ее мысленное путешествие в долину Грез Далман и обратил внимание на меня, мирно думающего о чем-то своем вдали от всех. – А ты чего бы хотел, Ково?

Я мечтательно посмотрел на него и, расплывшись в улыбке, решил им открыться:

– Я всегда мечтал стать королевой. И сейчас мечтаю.

Лицо Бокса стало похоже на хоккейную шайбу, но я не обратил на это внимания, и продолжил говорить:

– И еще хочу, чтобы меня все любили!

Теперь и лицо Далмана слегка искривило.

– Много хочешь – ничего не получишь! – процедил Бокс, с наглой ухмылкой глядя на меня.

Дворняжка решила не закидывать меня пометом, как это сделали остальные, а наоборот – поддержать.

– Но мы все и так тебя очень любим! – заявила она, приказывая, – цени это!

– Спасибо... – робко промолвил я, а Бокс, как всегда неожиданно, влез в наш откровенный разговор и перебил меня, обращаясь к Дворняжке:

– За себя говори... мне, может, он и не нужен.

Все подумали, что на этом разговор закончен, и скоро начнется обсуждение новой темы, как вдруг Далман внезапно продолжил:

– А хочешь, я сделаю тебя своей королевой? И тогда ты одаришь меня деньгами, мы вместе будем путешествовать по свету и...

– Прости... – остановил я его поток размышлений, – ты мне не подходишь... Ты слишком молод для меня.

Мой голос звучал глухо и как-то неуверенно, но все же мне хотелось поставить точку на этом разговоре.

Настоящая причина была, конечно, не в этом, хотя он, действительно, был слишком молодой. Просто я не хотел связывать свою жизнь с тем, кому был нужен только ради денег... Да и к тому же, я хотел найти себе девушку и считал, что однополые отношения являются величайшим грехом, потому что именно из-за тех, кто создает гнилые ячейки общества, не рождаются дети.

– Че? – противно процедил Бокс, как только я закончил говорить.

– Ты же сам сказал, что хочешь быть королевой! Почему же тогда отказываешь? – спросил Далман.

Задумавшись, я понял, что мог сильно ранить Далмана своим ответом.

– Знаю, это звучало жестоко, но... Ты вынужден будешь привыкнуть... Такова жизнь... Никто не обязан идти тебе на уступки, если не хочет этого сам!

В ответ раздалось молчание. Сменив тембр голоса на более позитивный, я задал Далману встречный вопрос:

– А чего хочешь ты?

Но так и не узнал ответа на свой вопрос. Далман не имел желания разговаривать со мной после всего случившегося и кратко ответил:

– Ничего. Закрыли тему!

Он решил поскорее убираться отсюда и увести остальных, но Дворняжка тут же сбила его с толку своим неуместным лошадиным смехом. Никто не знал, по какой причине она засмеялась, видимо для того, чтобы разрядить напряженную обстановку.

– Что смешного? – сердито спросил Далман, собирая копы, и Дворняжка, увидев, что никто кроме нее не смеется и поняв, что ее смех был крайне неуместен, сразу же приумолкла, как и все, начиная потихоньку собираться. «Вот и поговорили... Ни одного слова про охоту не сказали!» – горестно подумал я, но не стал озвучивать свои мысли вслух и тоже начал собирать вещи.

Щенка стояла в кустах, ошарашенная, так широко разинув отверстие для еды, словно прямо сейчас наблюдала не за нами, а за тем, как разворачиваются действия какого-нибудь крутого русского блокбастера. Ее рот был широко распахнут до тех пор, пока она сама силой не захлопнула его и не успокоила себя: «Так, надо успокоиться. Чего это я переживаю, как дурочка? Я же Щентия Фуражкина 17-ая, не обязана... наоборот, нужно радоваться... Ведь мальчик с царапиной на лице отбрил этого негодяя, а значит, ему нравятся девочки! А это значит... что... я... м... все еще могу заинтересовать его! Надо скорее выбираться из кустов и заявить о себе, пока они не ушли. Может быть, кто-то из них знает, как добраться до полицейского замка?!» – легкомысленно подумала она, совсем позабыв о том, какая у нас внешность и по ошибке приняв нас за полицешек, вылезла из-за кустов, идя прямо к нам навстречу.

– Извините, – вежливо заявила о своем присутствии здесь все это время она. – Вы случайно не знаете, как добраться до Полицейской базы и выбраться из этого ужасного леса?

Вместо протянутой руки помощи и развернутого ответа на свой вопрос, Щенка услышала:

– Полицешка! – пронзительно закричал Далман, едва не оглушив ее. – Ловите ее!

Буквально через секунду на Щенку уже надвигался Бокс, вооруженный копьём, судя по оскалу которого можно было понять, что он готов разорвать ее на куски.

Следом за ним едва поспевала запыхавшаяся Дворняжка, в руках которой развевался черно-зелено-красный флаг Злэйзкой империи с изображением черепа и скрещенными за ним двумя мечами посередине. Она несла его не потому, что он мог пригодиться в бою, а просто для устрашения. И этот прием прекрасно работал, ведь психологическое давление на противника – лучшее оружие!

Бедная Щенка была загнана в угол. Она все еще могла убежать отсюда и скрыться в кустах, но один только вид гигантского пожелтевшего черепа привел ее в ужас, и она не могла сдвинуться с места... Острие копья уже почти коснулось Щенкиной головы, когда... я подбежал к ней и закрыл ее собой, принимая все удары на себя.

– Что вы творите? Как вы смеете нападать на не в чем неповинного человека? – закричал я, захлебываясь в слезах от боли.

Копье Бокса неистово царапало мои руки раз за разом, распарывая кожу до крови, но я терпел.

– Отойди в сторону! – разъярённо кричал Бокс, продолжая наносить мне удары. – А иначе я порублю тебя на холодец вместо нее!

– Нет! – прокричал я в ответ. – Ты уже серьезно поранил меня, но я не дам тебе сделать то же самое с ней, ни за что, пока я здесь!

Далман и Дворняжка стояли в сторонке как вкопанные и даже не собирались прийти на помощь мне с Щенкой. Они же злые собаки... им можно жить только по закону...

– Если мы не поймем эту девчонку, Лайка не спустит нам с рук 14-ый провал подряд, – прошептала моя так называемая подруга Дворни Тяжкина, и Далман, к великому несчастью, разделил ее точку зрения.

Ненависть после моего отказа вызвала у него бурю отрицательных эмоций, и он не стал терять возможность отомстить мне за все, одним лишь движением, и тем самым прийти на выручку своей команде.

Последнее, что я услышал, стало «Извини...» из его уст.

Он подбежал к месту, где разворачивались события, и холодно воткнул свое копьё прямо мне в сердце.

– Нет! – горестно вскричал я и пал на землю, обливаясь кровью, ударившись, кроме того, головой об камень.

– О, Группа! – не вытерпев, прокричала Щенка и хотела как можно скорее уносить отсюда ноги, пока ее не постигла та же участь, что и меня.

– Пятновский, черт возьми! Ты убил его! – закричала Дворняжка, с ужасом глядя на меня.

– Ничего страшного, переживет. Кто сказал, что я убил его? Удар в сердце не смертельный.

– Но все же... – взволнованно продолжала стоять на своем Дворняжка, подбираясь ко мне, но Бокс не дал ей толком попереживать и закричал:

– Полицешка убегает! Ловите ее!

– А сам чего стоишь? – горестно спросила Дворняжка, не в силах смотреть на мое бездыханное тело без слез.

Поняв, что ни от кого из нас, а тем более от меня никакой помощи в ловле добычи не дождешься, Далман сам бросился за Щенкой вдогонку, крича по дороге:

– Смотрите, как я могу! Учитесь у профессионала!

И нагнав ее, схватил Щенку за волосы.

– Ай! Отпусти меня! Пошел прочь! Отпусти! – кричала она, но Далман все больше хватал ее за различные части тела, чтобы силой усадить в мешок.

Но ее старания не увенчались успехом. Далман был в разы крупнее и сильнее ее, поэтому ему быстро удалось закинуть извивающуюся в воздухе Щенку в мешок, а Бокс добил ее деревянной частью копья, чтобы та не дергалась и не порвала мешок. Щенка отключилась.

– Ура! – закричал Бокс и, глядя на меня, проорал на всю опушку. – Выкуси, Страшила!

– Че ты орешь, как недорезанный? – раздраженно прикрикнул на него Далман, держа мешок с Щенкой в руках, – пошли отсюда! Мы должны успеть вернуться до обеда, а иначе Лайка сведет с нами счеты, даже если мы вернемся с добычей!

– А зачем тебе так рано возвращаться? – начал возмущаться Бокс. – Ты же теперь не от кого не зависишь! Страшилкин умер!

Но Далман его не слушал и переключил свое внимание на Дворняжку, склонившуюся над землей:

– Друг! Скажи, пожалуйста, что ты жив! Давай скажи, – я жив! – открывала она мне рот, думая, что это поможет.

– Дворняжка, нам пора домой, – обреченно, по-актерски сказал Далман, создавая впечатление, что не одной ей меня жалко. – Он сам вернется, если живой, а если нет, то значит, так надо.

И он силой поднял Дворняжку с земли, отряхивая грязь с ее юбки.

– Ладно... – смирилась Дворняжка, зная, что выбора у нее нет, в последний раз посмотрев на меня. – Надеюсь, что он вернется...

– И я... – соврал Далман и, закинув мешок на плечо, начал выдвигаться в путь.

– А я нет! – совершенно ничего не стесняясь, произнес Бокс и затянул свою любимую песню «Идя по дороге домой», которая начиналась словами: «Я среди ночи выпить хочу...»

Щенка болталась в мешке как боксерская груша, если ее повесить на дерево во время сильного урагана, и казалось, что каждая ее косточка вздрагивала. Если бы можно было привести ее в сознание, то она бы наверняка стала спрашивать Великого Группу, сотворившего всю их планету: «За что ей такая полная трудностей жизнь?...»

А ответ был бы прост – не нужно совать свой нос куда не следует. Я бы с удовольствием пришел ей на выручку, но, к сожалению, сам в данный момент находился в незавидном положении.

– Бедная Щенка... – сказал бы я, если бы смог открыть глаза, только вот сделать это было практически невозможно.

Шло время, и солнце уже стояло высоко в небе. А с восходом солнца, как известно, просыпаются и полицейшки. Обычно они, один за другим постепенно поднимались с кроватей и всей недружной толпой бежали в ванную комнату умываться, но на этот раз у них не получилось сделать все быстро и слаженно, потому что каждый из них хотел подольше понежиться в постели.

Одной из первых глаза открыла Иннокентия Медальонова. Она бы никогда не сделала этого раньше остальных, если бы в нее снова не прилетела подушка. Девочка быстро встрепнулась и, отложив подушку в сторону, медленно привстала с кровати, сонно поглядывая по сторонам.

– Кенка! Долго ли мне еще тебя ждать? Все уже давно проснулись! – возбужденно кричала Роза, уточняя, – я имею в виду себя и рыбку в аквариуме!

Кенка с недоумением посмотрела на нее и хотела снова лечь спать, но Роза не дала ей этого сделать и запустила в нее тапком. Такая атмосфера царил в полицейском лагере всегда...

– И да, это я запустила в тебя тапком! – яростно завопила Роза. – И запущу еще раз, если ты сейчас же не встанешь с кровати! Я все сказала!

– А нет, не все! – дополнила она, вспомнив еще кое-что важное и добавила, пока Кенка спросонок натягивала на себя фиолетовые меховые тапочки. – Будешь в следующий раз на

тихом часу так громко храпеть, я запушу в тебя не подушкой, и даже не тапком, а кочергой! Кстати, верни мой тапок...

Приоткрыв глаза пошире, Кенка начала заправлять кровать, но заметила, что одеяло на ней отсутствует. Выглянув в окно, девочка обнаружила, что оно валяется на улице, а в нем лежит кто-то, завернутый как шаурма. «Скорее всего, это был Деревенщина», – подумала Кенка и стала вылазить в окно, чтобы спуститься за одеялом и разбудить того, кто в нем лежал.

Но Роза опять кинула в нее что-то и завизжала:

– Куда ты полезла? Обнаглела что ли? Я еще не договорила! – и продолжила размышлять вслух. – Бедная Щенка, почему именно ты досталась ей в качестве соседки по кровати? Кстати, о ней... Где она? Ты ее видела?

– Нет, не видела... – раздраженно откликнулась Кенка, поняв, что за одеялом у нее сегодня сбегать не получится и попыталась нащупать на тумбочке очки, которые она, между прочем, не носит.

– Не, ну ваше... – прокомментировала ее поведение Роза и заорала так, словно ее режут: – Щенка! Куда же ты запропастилась, моя верная подруга? Кэт, проверь у себя под кроватью. Она обычно прячется там, чтобы напугать тебя, когда ты встаешь...

– А я думала, это Бабайка меня пугает... – недоуменно прошептала Кенка и, так и не найдя очки, начала обшаривать все укромные места у себя под кроватью. Но в итоге не нашла там ничего кроме своих старых синих носков. А Роза все продолжала кричать:

– Щенкаааа! Ну ты где? Выходи немедленно! А то сейчас придет твой отец и будет по всем стрелять!

– Ну, что там опять такое? – слышались недовольные возгласы пробуждающихся полицешек. – Кого там опять убили? Арку?

– Вы че, вообще? Не могли попозже поискать?

– Да ваше! – нервно воскликнула Роза, ругнувшись про себя, и повернула голову к самой большой и высокой кровати, на которой всю ночь спала прямо на одеяле всеобщая любимица – Щенка Кенкина.

– Эй, Кенкина! – небрежно окликнула ее Роза, приказывая. – У нас Щенка пропала! Иди и доложи королю и королеве, пусть начинают бить тревогу, мы нигде не можем ее найти!

– А... что это? Как конфеты есть, так сразу ты первая, а как какое – то серьезное задание, так сразу Щенка Кенкина? – недовольно возмутилась девочка, вставая с кровати, взмахнув короткой жиденькой рыжей косичкой и на глазах у всех переодеваясь из белой пижамы в повседневное красное платье с белым воротничком.

– Потому что ты единственная из нас, кого не убьют, как только он зайдет в спальню взрослых. Мне бы тоже очень хотелось там побывать, но все равно иди ты... – с издевкой в низком голосе разъяснила ей Арка, пряча в подушку конфеты «Крокодильчик», украденные с кухни.

Деваться было некуда.

– Ладно... – нехотя промолвила Щенка Кенкина и с деловым видом направилась в спальню ко взрослым, дорогу в которую она уже давно выучила наизусть, ступая по полу короткими ногами, одна из которых была в голубом башмаке, а другая без него. По дороге она искренне мечтала о том, что ее старшую сестру с таким же именем, как и у нее, постигла незавидная судьба. Ведь если та умрет, ее игрушки перейдут ей – шестилетней Щенке Кенкиной.

– Эй, Медальонова! – высокомерно окликнула Розэтта свою сокомандницу уже в который раз. – Ты проверила у себя под кроватью?

– Нет... Я под кроватью смотреть не буду... – хмуро отозвалась Кенка. – Там Бабайка позвал своих друзей – Верзилу и Гигантилу на чай, и они все вместе его пьют... ее голос звучал приглушенно на фоне истошных криков других академистов, затеявших Афганскую войну подушками уже 52-ой раз за год с подачи Аркадии Магнитовой – самой бойкой и заметной из

всех академистов, державшей в страхе весь район и не только. Как раз-таки она громче всех и орала, швыряя во всех подушками.

– Нет, это уже слишком. Даже для ... ну ваше... – прошипела Роза и хотела пригрозить Кенке, что отберет все ее комиксы и хлам, принесенный с улицы, но не успела договорить и первой фразы, когда в нее прилетела подушка. Ее кинул Бобик Деревенщина. Он давно выбрался из кокона, сделанного из Кенкиного одеяла, и резво прыгал на кровати, уча как правильно это делать младшую часть своей аудитории, только что преподав Розе хороший урок и показав ей – какого это, – быть закиданной подушками с головы до ног.

Резвясь и веселясь, он все выше подлетал к потолку и, хрюкая, как поросенок, визжал: – Ю-ху! Я – лихой ковбой! – тем самым еще сильнее раззадоривая остальных сокомандников. Но они и без него не скучали. Половина из них перекидывались подушками, целясь сбить с кровати как можно больше себе подобных. Другая часть уже успела выйти на новый уровень. Те, кто причислили себя к ее разряду, лихо двигали кровати, не обращая внимания на то, чья она, и лежит там еще кто-то или нет.

Всюду летали подушки, перья из них и ключья сине-красного флага Полицейской Федерации с изображением синей полицейской фуражки и золотой медали под ней, который академисты разорвали на куски, а добрую часть по дурости и вовсе сжевали; поэтому дорогу не было видно, и кровати тащили наугад, задавив за пять минут 10 человек, что было самым настоящим достижением. Раньше до такой цифры еще никогда не доходило, это был рекорд. Поэтому они решили отпраздновать его и съели золотую рыбку, опрокинув ее аквариум.

И лишь единицы из всей этой оравы, численность которой была уже не 61 человек, а 51, так как десяток из них задавили, являлись адекватными и сидели под кроватями, которые еще не начали двигать, не планируя вылезать из-под-них, пока весь этот балаган не закончится.

Среди них был Шарик Мячиков – двоюродный брат Щенки и еще один представитель группировки «Мозги команды», а также Шарпей и Бурка – «сладкая парочка с закоулка». Они даже сидели под одной кроватью.

Рыжеволосая модница Роза стояла у зеркала и, засунув себе под лифчик и трусы подушки, красовалась и напевала:

– В зеркало смотрится маленькая модница,
Куколка-балетница, нет красивей!

К тому времени Щенка Кенкина уже успела добраться до родительской спальни и, в последний раз перекрестившись левой рукой, умоляя Группу убить Щенку, тихо приотворила дверь, боясь разбудить своих родителей, так как на дворе было всего восемь часов, а они обычно спали до обеда.

Но ее опасения оказались напрасными, – Бубен и Молния уже давно проснулись и сидели за столом, занимаясь каждый своим делом, игнорируя при этом друг друга.

Точнее, это Бубен игнорировал Молнию; развалившись в гигантском розовом кресле и нацепив очки, он читал статью злэйзкой газеты Янки Рассы «Бумага все стерпит», совершенно не обращая на жену никакого внимания.

А она в свою очередь, чего только не делала, чтобы заинтересовать его, точно так же, как тогда, 14 лет назад: и раскачивалась из стороны в сторону на стуле, изображая неваляшку, и демонстрировала свои прекрасные способности изящно изображать обезьяну, и делала вид, что падает со стула, кося глазами...

Но ничего из этого не помогало, и даже, наоборот, составляло о Молнии неприятное и странное впечатление, ведь сидеть и кривляться на стуле вместо того, чтобы заняться делом и идти работать, выглядело комично и даже глупо для ее лет.

Но дело было не в Молнии, а в предпочтениях Бубна, угодить которому было невозможно... Он считал, что Молния уже изжила себя и перестала что-либо из себя представлять,

поэтому и не подходила ему. Ведь его интересовали подростки до 15 лет, и как только эти подростки вырастали, он готов был плевать в них, как в мусорное ведро.

В этом и заключалась трагедия Молнии. Она давно перестала искать себя и начала гоняться за ним, пытаясь выглядеть ребенком в его глазах, что и было самым грустным и одновременно смешным. Ее внешний вид никак не сопоставлялся с ее поведением: поседевшие, превратившиеся в солому волосы, выцветшие бело-розовые глаза, обвисшие за многие мучительные годы совместной жизни грудь и живот, гигантские фиолетовые синяки под глазами, возникшие вследствие употребления наркотиков, на которые ее подсадили ее так называемые родители. Вот к чему приводило попадание в организм опасных веществ.

Никогда не судите о книге по ее обложке, как это сделала Молния, оценив наркотики по первым приятным ощущениям, и не погружайтесь с головой в то, в здравии чего вы полностью не уверены, и не ведитесь на соблазн в виде руки помощи, а иначе в дальнейшем получите по полной и превратитесь в такое же недоразумение на ножках, в которое с годами превратилась Молли.

Щенка Кенкина обладала прекрасным для своих лет умом и отличным терпением, что весьма похвально; но терпение не у кого не безграничное и, устав ждать, когда ее наконец заметят, Щенка Кенкина решила сама обратить на себя внимание и, деловито кашлянув, ступила за порог спальни, оповещая родителей о своем прибытии:

– Доброе утрецо! Смотрю, вы не скучаете... – с издевкой сказала она и, увидев, что на нее все-таки посмотрели, продолжила говорить. – У меня хорошая новость... ой, то есть плохая. Щенка сквозь землю провалилась.

– Какой ужас! – мигом отреагировала Молния. – Вы достали ее обратно?

– Это выражение такое, – с презрением пояснил Бубен, поправляя очки. – Вы проверили у Кенки под кроватью?

– Не знаю... – хмуро отозвалась Щенка Кенкина, и правда не зная ответа на этот вопрос.

– Ясно, – сухо ответил Бубен, понимая, что пока газету придется отложить, и спросил у жены. – Ну что, Молния, будем тратить время на ее поиски?

– Конечно, будем! – возбужденно промолвила Молния, всплескивая руками. – Она же наша дочь!

Но Бубен прервал ее и заметил, снова раскрывая газету:

– А я думаю, что ни к чему тратить время на такое недоразумение, как Щенка, если можно потратить его рационально. Почитать книгу, например, или заняться стиркой! Давай, иди, стирай!

– И зачем тогда спрашивал? – угрюмо прошептала Молния, и вправду этого не понимая, но Бубен ничего не расслышал, и все же, захлопнув газету, прокричал:

– Что ты только что сказала? Я ничего не слышу... – отвлекая Щенку Кенкину от празднования отмены поисков Щенки, – что там у вас за шум в общежитии? Неужели опять устроили бесплатное цирковое представление?

– Возможно, не знаю... – задумчиво ответила Щенка Кенкина.

– Достали... – проскрипел сквозь зубы Бубен, слыша, как из-за стены доносятся протяжные крики и стоны, заряжая пистолет новыми патронами.

– Мерзкие шакалы... Молния, у тебя есть пульт от винтовки? Похоже, самое время идти разбираться...

Молния неестественно покивала ему головой, протягивая курок от пистолета, который он называл пультом, и в последний раз, с умилением взглянув на желавшую своей сестре смерти Щенку Кенкину, все еще видя в ней ребенка, была вынуждена покинуть спальню и идти на разборки вместе с Бубном, потому что муж в семье – главный.

Бред какой – то. А что делать, если в семье сразу два, три или несколько мужей? Им что теперь, порвать друг друга что ли за право первенства, хотя, если подумать, тут проблема уже в самой семье, а не в общественных установках...

Стоило только родителям покинуть свою комнату, как Щенка Кенкина сразу же воспользовалась возможностью побыть на их месте и узнать, что пишут про Злэйзию в газете, которую еще пару минут назад читал Бубен. Она взяла ее в руки и, откинувшись на диван, нацепив очки для более важного вида, забыв про то, что у нее и без них зрение идеальное.

– Щенку съели волки... Щенку волки... Щенку волки съели! – праздноя безусловную кончину Щенки и одновременно читая газету, напевала она, листая страницы одну за другой, стараясь не порвать их, чтобы потом вернуть газету в хорошем состоянии.

Как только Бубен и Молния зашли в общежитие, открыв дверь с ноги, с подачи Бубна, он закричал, наставляя на толпу пистолет:

– Стоять, не двигаться! Стрелять буду без предупреждения!

В него сразу же прилетела подушка. Всем было откровенно наплевать на него и на то, что он говорит. Никто даже не заметил появления их с Молнией. Все выжившие из 60-ти человек продолжали дуреть и беситься, издавая звуки вымерших мамонтов и прыгая с кровати на кровать.

Теперь их уже нельзя было разделить и на группы – каждый из них занимался тем, чем хочет сам, не обращая внимания на других, и считал себя независимым. Тех, кто раньше сидел под кроватями, уже давно передавили, а те, кто еще не успел проснуться, вылетели в окно вместе со своими спальными принадлежностями.

Круче всех, по ее мнению, развлекалась Арка. Она крутилась на чьей-то подушке и извивалась в воздухе от счастья, как ненасытная змея, пока вокруг нее бегали толпы возбужденных полицешек с копьями, отобранными у злых собак во время последнего сражения. Истошно крича и представляя себя индейцами, они насаживали их друг на друга, а на тех, кто все еще был живой, садились.

Деревенщина уже минут пять как не прыгал до потолка, раскачивая люстру, а сам висел на ней, взгромоздившись с ногами, и раскачиваясь как на качели, навевая песню «Крылатые качели», переделывая ее на свой лад:

– Взрывая... все картели...

Не евши виноград! – доносилось зловещее завывание с люстры.

В это время Роза примеряла на себя новое платье, позаимствованное у Кенки. А отдать что – то Розе, как известно, означает – навсегда распрощаться с этой вещью... Так случилось и на этот раз. Этому прекрасному алому бальному платью с блестками не повезло. Роза решила, что у нее все еще недостаточно большой размер груди и его необходимо увеличить до максимума, впахав под топик еще одну подушку, возможно принадлежавшую ей же самой. Но ляпка топика не выдержала такой непосильной нагрузки и с треском порвалась вместе с прекрасным платьем на две части, как, впрочем, и последняя нервная клетка Бубна...

Между тем всем на обозрение открылась Розина и без того достаточно большая грудь... Это было уже слишком... Даже Молния осознала это и робко дернула мужа за рукав.

«Делать нечего. Нужно стрелять. Угломонить их. Способ только один» – подумал Бубен, направляя пистолет в потолок. По всей комнате пронесся звук выстрела, и навесной потолок в ту же секунду ключьями свис и запорхал в воздухе.

Все тут же замолчали. Из дальнего угла комнаты продолжил доноситься визг одного только Деревенщины, но и на него вскоре заразительно подействовала удушающая тишина. Все боялись гнева Бубна, и никто больше не осмелился издать ни единого звука.

Никто, кроме Арки. Этой певице никто не мешал. Она, как ни в чем не бывало, продолжала ходить возле кровати соседа и напевала, крутя голову трофея в руках:

– Ах, трофеи, мои трофеи, я вас так люблю!

Я вас очень ценю, мои трофеи!

– Все заткнулись! – прокричал Бубен, видя, что оптимальный эффект достигнут.

Но Арка ничего не слышала и продолжала: – Ах, трофеи... – пока Бубен не направил дуло пистолета прямо ей в лоб и гневно не произнес:

– Я с тобой говорю, Магнитова!

– Я язык животных не понимаю! – съязвила девочка и опять начала нарезать круги вокруг кровати.

– Пошла вон отсюда! – строго приказал Бубен, указывая пальцем в сторону двери.

– Никуда я не пойду! – послышалось в ответ. – И че ты мне сделаешь? Ударишь?

– Убью! – поклялся Бубен, держа палец в сантиметре от курка.

Это подействовало.

– Говнюк легавый! – прошипела девочка и двинулась в сторону двери с головой собаки в руках, со словами. – Вы еще обо мне узнаете...

Другие академисты испуганно глядели ей вслед. Никто из них не осмелился бы себя так вести под дулом пистолета, поэтому Арка и была для них всеобщим авторитетом.

– А вы чего встали, как столбы? Идите и убирайте все, что натворили! Вы не в санатории, а в военном лагере! – обратился Бубен к другим подросткам и хотел уже уходить, подталкивая Молнию, прятаящуюся у него за спиной, за собой, но она одернула его и прошептала:

– Дорогой... Ты забыл сказать им кое – что по поводу нашей дочери...

– Это твоя дочь, а не моя, – злостно открестился от Щенки Бубен и задал академистам вопрос, уже подходя к двери. – Стойте, не начинайте прибираться. Я освобожу вас от этой напасти и заставлю прибираться одну только Магнитову, если вы скажете мне, куда вы дели Щенку. Только не говорите мне, что вы ее съели!

– Мы бы с удовольствием сделали это при первой возможности! Только вот не знаем, где она, – бесстрашно заявила Арка, разворачиваясь и идя в обратную сторону от двери.

Молния тяжело вздохнула, а Бубен с ненавистью посмотрел на девочку.

– А ты куда пошла? Обрати иди и вставай в угол.

Арка пробурчала что-то себе под нос, с неохотой выполняя поручение, а Бубен сказал всем остальным напоследок:

– Раз вы не знаете, где Щенка, то приборка ждет вас, можете быть свободны.

Щенка очнулась и, оглядевшись по сторонам, поняла – она здорово влипла. Внимательно присмотревшись к стенам и потолку, девочка догадалась, что находится в пещере и попыталась выбраться, но не смогла произвести не единого движения. Она была подвешена вниз головой на тугих веревках. Кончики ее волос обжигали языки пламени, разведенного прямо под ней костра. Из ее глаз потекли горячие слезы. В эту секунду она вспомнила все: как сбежала из дома, не спросив разрешения у родителей, как повелась на диковинную внешность злэйзких охотников и попала к ним в плен, как по собственной глупости погубила человека, который ей так понравился...

Все больше жидкости из ее глаз падало в костер, но несколько ее маленьких слезинок не могли потушить могучее пламя, как и одного извинения за уйму совершенных ошибок никогда не было достаточно, чтобы их исправить...

Откуда-то сверху доносились зловещие крики местных жителей, голоса которых Щенка не могла распознать. Ей было не до этого.

– Где Ково? – спрашивал приглушенно грубый голос.

– Я сожалею, госпожа Лайка... – отвечал голос одного из охотников.

– Я спрашиваю, где Ково?

– Он сам нарывался, госпожа Лайка, и на... то есть Далману, пришлось...

– Что вы такое несете? Немедленно приведите его ко мне, а иначе я прилюдно казню вас на площади Позора!

– Но...

– Живо!

Дальше Щенка не слушала. Из разговора она ровным счетом ничего не поняла. Да и, даже если бы и поняла, у нее не было желания слушать дальше. Она кричала. Кричала от безысходности. Ведь только сейчас к ней пришло осознание, что все это натворила она сама, и что вскоре ее постигнет такая же судьба, как и меня.

Ее крик был настолько горестный и удручающий, что сумел воскресить меня и призвать мою душу обратно с того света в телесную оболочку. Я с трудом поднялся с мокрой, залитой дождем и моей же кровью, земли и вынул копьё из своего сердца, давая клятву: «Я обещаю... Я приду за тобой, Щенка, и освобожу тебя». С этими словами я пошел спасать ее, в надежде успеть раньше, чем мои сокомандники что-нибудь с ней сделают.

«Это конец...» – подумала избитая и изможденная девочка, уже не надеясь на спасение со стороны сокомандников, которые в свою очередь даже и не собирались ее искать. Пламя уже подбиралось к ее коже, и она прошептала, начиная гореть, на прощание всем, кому она когда-либо была не безразлична: «Не переживайте... Это только моя вина... Я вас прощаю...».

Она уже готова была распрощаться с жизнью, когда раздался раскат грома, и в пещеру вошел я. Сверкая глазами, я подбежал к ней и торопливо начал распиливать острием копья веревки, которыми она была связана, успокаивая ее:

– Не переживай! Все будет хорошо, я освобожу тебя!

– Ты? – с ужасом прошептала Щенка, не веря своим глазам. – Но ты же умер. Я...сама видела, как тебя погубили...

– Как я мог умереть и оставить тебя в беде? – робко спросил я, опуская ее на землю. – Тебе больше не грозит опасность.

Веревки упали в костер, и его пламя съело их вместо Щенки.

– Я хочу домой... – прошептала Щенка, проверяя, насколько сильно сгорели ее волосы.

– Ты права. Нам надо скорее уходить, пока злые собаки не вернулись за тобой, – согласился я, беря ее за руку и выводя из пещеры. – Пошли! Я провожу тебя до дома. Ты же знаешь дорогу, верно?

Что удивительно, погода менялась одновременно с нашим настроением. Дождь закончился, как только моя новая подруга обрела свободу, и на просветлевшем небе проступила яркая семицветная радуга (слава Группе, что не шестицветная).

Мы с Щенкой решили не спешить домой и не стали терять возможности нагуляться вдоволь, пока на улице стоит хорошая погода. Пестрое поле было идеальным местом для прогулки. Я и не заметил, как мы перешли границу между Полиэзией и Злэзией. Да и к тому же, это было не важно. Сейчас главное, – не потерять ту нить, которая связывала нас.

– Как тебя зовут? – весело спрашивала Щенка, резвясь от счастья и бегая по всей полянке, нарезая вокруг меня круги.

– Меня зовут Ково Страшилкин. Я – принц Злэзии. – отозвался я. – А ты кто?

– Вау... Всегда мечтала иметь друга королевских кровей, как и я сама! – прощепетала она, хватая меня за руку.

– Ты тоже принцесса? – не поверил я.

– Да! А что, по мне не видно? Меня зовут Щенка Фуражкина Прекрасная. Последнее – это тоже мое имя.

– Чудесно... – сразу же заулыбался я. – Щенка. Какое интересное имя! Но я буду называть тебя Щеночкой!

– Ой, ну что Вы, – рассмеялась она. – Не льстите мне! А иначе мне придется позвать вас в гости!

К этому я не был готов. Я бы с удовольствием погостил у нее, если бы не ее отец. Я знал, что он живет с ними и был наслышан о нем не в лучшем свете. С раннего детства Лайка пугала меня байками, что это он убил моего отца, поэтому у меня неполная семья, и я свято верил этому.

– В гости? К тебе? Ты уверена, что меня там примут?

– Конечно, уверена, – без раздумий отрапортовала Щенка. – Пошли! Заодно и до дома меня проводишь, как и хотел!

И все же я был вне себя от счастья. Ведь персона противоположного пола впервые за всю мою жизнь зовет меня к себе домой. Всю дорогу Щенка рассказывала мне о достопримечательностях своего города, все показывая и добавляя что-то от себя.

– Вот это, например, площадь Славы, – говорила мне она, когда мы проходили мимо большой равнинной местности, на которой толпились люди и с интересом наблюдали, как там кого-то «вешают».

– Видишь вон тот труп на веревочке? – возбужденно спрашивала Щенка, пока я старался побыстрее пройти мимо. – Так вот, это самый настоящий покойник, а не какая-нибудь кукла! Его только что повесили.

Я хотел спросить: «Зачем?», но вместо этого сказал краткое: «Ясно», чтобы не продолжать тему разговора, так как меня сильно мутило, и я боялся, что меня стошнит прямо на тротуар.

– Ты не слушаешь! – прокричала она, толкая меня.

– Мне это не интересно, – признался я, схватившись за живот.

– Ладно, – смирилась Щенка, но тут же продолжила мучать меня новой «интересной» информацией. – А сейчас я покажу тебе «Международный унитаз»!

Тут я не вытерпел и прервал ее:

– Хватит, прошу тебя. Давай, наконец, пойдем к тебе домой. Мы уже и так тут два с половиной часа бродим.

– Да, хорошо, хорошо, – через силу пошла мне на уступки Щенка и повела меня к себе домой.

К счастью, от площади до дома было совсем недалеко, и спустя несколько минут мы уже подошли к Щенкиному дому. Скажу вам честно, я представлял его другим, но несмотря на это, он все равно впечатлил меня.

– Эти цветы посадила моя мама! – заявила Щенка, указывая рукой на горшочки с цветами, которые были развешаны под каждым окном. Среди них были: магнолии, сирень, лилии и синие полицейские розы – редкий цветок, выведенный в Полицейзии.

– Это и правда впечатляет... – честно признался я и окинул взглядом сам дом.

По правде говоря, в нем не было ничего примечательного. И я бы не за что не догадался, что это дворец, если бы мне об этом не сказали. Он скорее напоминал богатый французский домик, чем место обитания «божеств» и состоял всего из одного этажа. Стены дома были молочно – белого цвета, а крыша, защищавшая его жителей от опасных погодных условий, была покрыта плиткой и на солнце отливала оранжевым. Этот дом практически ничего не украшало, разве что железные французские балкончики.

– Круто, – прошептал я, и глазом моргнуть не успел, как оказался за порогом этого дома и уже стоял в прихожей.

– Сейчас я тебя со всеми познакомлю! – радостно заявила Щенка и провела меня в общежитие, в котором все это время кипела непрерывная работа.

Полицешки восстанавливали те места, в которых успели набедокурить. Их было от силы человек 30, и поскольку я ожидал чего-то большего, мне не пришлось падать в обморок от удивления. На каждом из них была надета полицейская форма, состоящая из красного галстука из атласа, красных кожаных сапог и перчаток, а также синей кофты с капюшоном и двумя карманами и юбки либо брюк, в зависимости от пола – тоже, либо в синих, либо в голубых оттенках.

Несмотря на то, что им дарована возможность носить такую красивую форму, на них не было лица. Не от того, что им запрещали делать макияж, а от того, что график жизни их явно не устраивал, как, впрочем, и начальство. Никто из них не хотел прибираться, но все они были вынуждены это делать только потому, что им отдали такой приказ, поэтому им всем было не до Щенки. Но мир же не без добрых людей.

– Щенка! Ты вернулась! И привела с собой друга! – закричала Кенка, одна из Щенкиных подруг, готовая расцеловать ее от счастья, тем самым привлекая к ней внимание других.

– Что? Неужели это и вправду она? – откуда ни возьмись начали раздаваться пораженные голоса полицешек, бросавших свою работу. Деревенщина взобрался на стул и заорал в громкоговоритель, который он на днях спер из кабинета:

– Это Щенка! Она жива! Она вернулась!

Тут же, из самых разных углов дворца стали подтягиваться полицешки всех мастей и пород, разного роста и комплекции, и замечая нас с Щенкой, не верили своим глазам. По крайней мере, недовольна была одна только Щенка Кенкина, потому что понимала, что все игрушки все-таки придется отдать Щенке обратно. Все остальные были несказанно рады, и только тогда я понял, что их здесь проживает не меньше шестидесяти.

Среди вновь пришедших были и Щенкины родители – Бубен и Молния, которые сразу же привлекли мое внимание. Их было легко выделить среди толпы, так как первый из них был выше всех на голову, а другая отличалась от детей по комплекции и выглядела настолько измученно, что ее можно было только пожалеть. Отец Щенки был выше ее примерно на две линейки по 15 сантиметров. Он был в очках, при этом держал в руках нашумевшую газету, открытую на статье «Как объяснить ребенку, что общение со злыми собаками ни к чему хорошему не приведет» и с подозрением смотрел на меня со странной искрой во взгляде так, словно увидел себя в детстве в чужом облиции.

Я вяло помахал в его сторону рукой, не доверяя ему, и устремил взгляд на Щенкину мать. Она была ростом с саму Щенку, и издалека ее можно было принять за ребенка. Ей я тоже хотел помахать рукой, но успел лишь улыбнуться. Стоило Щенке увидеть ее, как она, сама не своя от счастья, бросилась к ней с восторженным криком: «Мама!» и повисла у нее на шее.

– Солнце мое! – воскликнула Молния, – ты не представляешь, как мы все снова рады тебя видеть!

– За себя говори, – пробурчала девочка с пламенно – красными волосами, кривляясь и корча рожи.

Она мне сразу не понравилась, и я понял, что это Арка – гроза района, выносившая всю команду на войне.

Увидев, как Бубен укоризненно смотрит на нее, Щенка перестала обнимать Молнию и подошла к нему, без особого желания.

– Привет, папа... – не особо радостно сказала она. – Тебя я тоже... очень рада видеть.

– Взаимно, – ответил Бубен и строго спросил. – И где же ты была? Опять, небось, с друзьями гуляла?

– Я не обязана тебе ничего рассказывать! – упрямо отмахнулась Щенка. – Как ты со мной, так и я с тобой! Бееее! – прокричала она, забрызгав слюнями всю территорию в десяти метрах от себя.

– Пошла отсюда! – приказал Бубен. – Живо!

– Ты только и умеешь, что приказывать! – в слезах промолвила Щенка. – Лучше бы за собой последил! Вот уйду я от вас навсегда и посмотрю, долго ли вы тут без меня проживете!

– И прекрасно! – не удержалась от злого выкрика Арка и, что странно, Бубен разделил ее точку зрения.

– Она права. Пошла вон.

Бедная Щенка почувствовала отчуждение. Понимая, что здесь она практически никому не нужна, она, обливаясь слезами, быстро скрылась от посторонних глаз и, забравшись на самую высокую кровать, зарылась под плед, продолжая плакать уже там.

И она была права. Никому, кроме Молнии, не было ее жалко. Все полицешки скептически проследили за ее уходом и перевели взгляд на меня, так как их всегда интересовало что –нибудь новенькое.

Но я не был безразличен к Щенке, поэтому встал на ее защиту.

– Зачем Вы так с ней поступили? Она же Вам ничего не сделала... – грустно спросил я у Бубна.

– А ты еще кто такой? – заговорил он со мной, но не так злобно, как со Щенкой. – Новый парень моей дочери? Она же вроде встречалась с Мячиковым...

Не знаю почему, но из всех полицейских собак именно Бубен вызывал у меня доверие меньше всего.

– Шарик – мой двоюродный брат и твой племянник, папа, – буркнула Щенка из-под одеяла.

– Ах да, точно, как я мог забыть... – смеясь отвернулся Бубен, видя, как косо на него смотрит Шарик, и снова вернулся ко мне. – Так как ты там говоришь, тебя зовут? Коля Шишкин?

– Я еще не представлялся, – холодно ответил я. – Меня зовут Ково Страшилкин, и добавил совершенно в другом тоне, – очень неприятно с Вами познакомиться!

Быстрая смена настроения была моей фишкой.

– Да неужели? Толпа академистов резко расступилась, и из самого ее дальнего ряда ко мне вышла та самая девочка с собачьей головой. Она была единственная, на ком была все еще надета белая длинная пижама. – Кого я вижу? Неужто это сам принц Злэйзии?

Я боялся ее перебить, какой бы ненависти к ней не питал, но она этого не замечала.

– И зачем же вы пожаловали к нам сюда, господин Страшила? Желаете занять единственное не загаженное место на полке с моими трофеями?

– Нет, спасибо, не хотел бы... – сию же секунду отказался я, но что странно, у Арки нашлись сторонники.

Первым из них стал Бубен, что особенно меня удивило.

– Да, с чего ты взял, что имеешь право нарушать наш покой? Таким как ты, здесь не место.

Я разочарованно опустил голову и хотел уже разворачиваться и уходить, но тут неожиданно за меня вступилась Щенка. Не зря говорят, что добро возвращается бумерангом, точно так же, как и зло.

– Этот человек спас мне жизнь! – вовремя сообщила она, поднимая мою репутацию.

– Да ну? Быть того не может... Как он посмел? – послышались возгласы из толпы, полные удивления.

– Это правда? – поражаясь, спросил Бубен, и я гордо ответил:

– Да.

– Ну, тогда добро пожаловать! – послышалось в ответ.

Это была победа.

– Ура герою! Ура! – завыл Деревенщина и, взобравшись на стул, начал хлопать в ладоши, но тут же прекратил, увидев, что его точку зрения никто не разделяет.

Полицешки так и стояли, все на своих местах и перешептывались, глядя на меня, а я стоял и долгое время просто молчал, потому что тоже смотрел на них. Мне казалось, что я смотрю не на незнакомых мне людей, а в зеркало, и вижу свое отражение. Как только в моей голове возникла такая мысль, мое сердце дрогнуло, и я осознал, что полюбил полицешек до конца своей жизни. Как говорится, возлюбил врага своего...

Эта любовь была настолько неожиданно сильна, что даже превышала симпатию к Щенке и мне казалось, что она вообще не знает границ... Мне хотелось чего-то большего, чем просто видеть их и только тогда я догадался, в чем заключается смысл моего предназначения. Моя миссия – объединить страны. И тогда воцарится мир во всем мире, и звезды упадут на землю, и луна спустится с небес и, тем самым я помогу не только полицешкам, но и своим товарищам по команде, то есть – все и всех спасу, но... для начала надо найти сторонников. Для этого нужно заинтересовать полицешек и вовлечь их в тему объединения.

– Друзья мои! – с улыбкой на лице обратился я к ним, начиная их обрабатывать. – Не нужно думать, что я пришел сюда, чтобы всех вас переубивать! Это – саблезубов бред!

– Врешь, нелюдь, врешь! – доносились из толпы враждебные выкрики Арки, но я старался не обращать на них внимания.

– На самом деле я здесь, чтобы на своем примере показать вам, что не все злые собаки злые! Среди них есть и умнейшие, устоявшиеся личности! Например... – я!

Мне казалось, что своим заявлением я смогу кого-то заинтересовать, но оказалось, что все не так просто. Самое обидное, что они даже не слушали меня и не давали вставить не слова, крича различные оскорбления в мой адрес, которые только приходили им на ум.

– Да заткнись ты уже!

– Всем, кто здесь находится, наплевать на тебя и твое существование!

– Когда он уже уйдет?

– Сдохни! – доносились до меня их разнокалиберные голоса, и в мою голову уже начали закрадываться сомнения, кто же все таки злые, – мы или они, но я всеми силами старался отогнать их.

Больше всего меня огорчало то, что Щенка – единственная из них, кому было на меня не наплевать, и то не делала абсолютно ничего, чтобы меня перестали унижать. Она молча лежала на своей кровати, завернувшись в одеяло, и делала вид, что ее не существует. Но и ее можно было понять. Заступаться за меня и вставать на сторону «малочисленных» было не выгодно. Это то же самое, что бороться с ветром палкой. Ведь их – 60, а нас с Щенкой только двое.

Одной из немногих, кто готов был поддержать меня, являлась Молния. Но даже она не хотела вступать в конфликт с разъяренной толпой. Вместо этого она сделала из газеты Бубна самолетик и спорила с Щенкой Кенкиной на «свалка – мусорка – помойка», кто первым его запустит.

Один только Бубен внимательно меня слушал и пытался понять, что я хочу до всех донести. Он увидел, как мне нелегко держать словесную оборону одному и решил вступить за меня.

– Да послушайте же вы меня! – не вытерпел я, топая ногой, и в ту же секунду послышался строгий голос Бубна:

– Вы люди или животные? Послушайте лучше, что вам человек хочет сказать. А иначе я вас всех исключу, и ваши родители больше никогда не получат деньги за то, что вы ежемесячно подвергаете свою жизнь опасности, и о вас больше никогда не напишут в газете!

Все тут же замолчали, заворожено наблюдая за движением пистолета в его руках.

– Спасибо! – актерски поблагодарил его я и, показав ему лайк трясущимися руками, продолжил, переходя к сути дела. – Я правильно понимаю, что вы отказываетесь меня слушать?

– Да! – повысила голос Арка, садясь на корточки, чтобы не поймать головой пули.

Но выстрела не прозвучало, так как патроны в пистолете Бубна закончились.

– В таком случае... – напряженно произнес я, надвигаясь на них с неизвестными намерениями. – Я знаю, как заставить вас уделить мне минутку своего драгоценного времени... – и потянулся в карман за чем-то большим и тяжелым.

На лицах полицейшек проступил испуг. Они подумали, что прямо сейчас я достану из кармана бомбу и устрою здесь кровавое месиво, но этого не произошло. Я успокоил их, сказав:

– Ну что вы? Не надо бояться! – и вынул из кармана гигантский зеленый мешок конфет. Страх сразу же покинул их и они, приняв хавшись, облизнулись, почувствовав запах чего-то сладенького.

С этим мешком я был похож на Санта Клауса, но никто кроме меня не заметил этого сходства. Всех интересовало только содержимое мешка.

– Я приготовил для каждого из вас первоклассный подарок! – с энтузиазмом заявил я, замечая, как слюни уже стекают с их ненасытных ртов, предвещая начало чего-то хорошего.

Втереться к ним в доверие с помощью конфет – был лучший способ заставить их послушать меня, а других я пока что не знал. Доставая из большого мешка по одной конфете, я вручал их полицейским академистам, ожидая ответную реакцию в виде улыбки, которой я почему-то так и не удостоился. Видимо, одной конфеты было недостаточно, чтобы порадовать их. По их лицам можно было понять только одно – они до сих пор хотят меня убить. Арка и вовсе скукурузила такое выражение лица, как только я к ней подошел, что мне непроизвольно пришлось развернуться обратно, забрав предназначенную ей конфету.

На Щенкину кровать я положил самую красивую, на мой взгляд, конфету с изображением поняшек и других диснеевских персонажей на обертке, так как знал, что она ей понравится. К сожалению, я не мог передать ей сюрприз прямо в руки, поскольку в это время она спала и видела уже десятый сон.

Я продолжил раздавать конфеты. Следующими по списку были Щенкины родители – Бубен и Молния, один из которых с нетерпением ждал моего прихода, а другая выглядела так зажато, словно ей всю жизнь не дают прохода. Мне стало жалко Молнию, и поэтому я подошел к ней первым. Вдруг она умеет связно говорить на любые темы и только выглядит беспомощно?

– Здравствуйте! – доброжелательно произнес я, протягивая ей конфету.

– Здравствуй! – что удивительно, ответила она.

В ее голосе звучал непритворный энтузиазм.

– Что это? – неуверенно спросила она, принимая подарок.

– Это – одна из самых вкусных конфет, которые я когда-либо пробовал! А обертка-то какая, Вы только посмотрите!

– Какое чудесное совпадение! – воскликнула она. – Я тоже очень люблю темный шоколад и поняшек!

– Вау, здорово! – согласился я и уже хотел идти дальше, но она задержала меня, прокричав:

– А ну стой! Если ты любишь поняшек, то у тебя должна быть и своя лошадь!

Лошадь у меня и вправду была, поэтому я сказал:

– Да, а как Вы угадали? У меня есть лошадь и ее зовут Тьма! Потому что она темная, как ночной полумрак!

– Вот же повезло... – грустно проговорила Молния. – А у меня нет лошади... мне бы все равно не разрешили на ней кататься... Говорят, я уже большая...

Мне давно пора было идти и раздавать конфеты другим, но я решил уделить ей еще минутку своего драгоценного времени, раз уж она первая завела разговор.

– Если бы у меня была лошадь, я бы хотела, чтобы она была похожа на Искорку из «Май литтл пони»! – продолжала она. – Ты же знаешь про этот мультик?

– Конечно, знаю! – отозвался я.

– А песня-то там какая прекрасная! Милая пони... – запела она.

– Милая пони... – подхватил я, взяв ее за руку, и мы закружились в хороводе, весело напевая песенку из заставки мультика.

– Милая пони!

Тебя так долго ждали!

Милая пони!

Волшебством своим весь мир освети!

Наше исполнение звучало прекрасно, но почему – то никто, кроме нас самих, так не считал. Все смотрели на нас, как на не долечившихся пациентов, сбежавших из психушки, даже Щенка, которая как раз проснулась, и никто не аплодировал. Бубен также не проявил к нам совершенно никакого внимания.

– Милая пони... Давай скорей с тобой дружить! – допели мы и с улыбкой поклонились своим неблагодарным зрителям.

– В этой ситуации даже мне нечего сказать... – призналась Арка, с аппетитом догрызая конфету, спертую у Кенки.

– Я еще и польку могу сплясать! – радостно заявила Молния, призывая меня с собой. – Ты со мной или как?

Я бы с удовольствием станцевал все, что угодно с такой позитивной женщиной как она, но, к сожалению, мне было пора, поэтому я извинился и сказал: – Простите, но Вы у меня не одна... – дальше пошел по рядам академистов с мешком сладких конфет.

Следующим по списку, которого у меня не было, был Бубен. Мне искренне не хотелось контактировать с ним, но я собрался с духом. С натянутой улыбкой я подошел к нему и, через силу пожав ему руку, достал из мешка самую невкусную на мой взгляд конфету с надписью на английском «С любовью», которую я не заметил.

– Здравствуй, король Бубен! У меня для Вас первоклассный подарок! Это моя любимая конфета! – соврал я. – Надеюсь, Вам она понравится!

– Уже понравилась, спасибо... – ответил он, принимая у меня из рук конфету, – только у меня аллергия на орехи, а они, похоже, там, внутри.

– Ничего страшного! – отмахнулся я и, развернув конфету, выгрыз из нее орех, чуть не подавившись. Мне очень хотелось, чтобы то же самое произошло и с ним. Но я сумел побороть в себе это желание. Все смотрели на меня, как на деревенского сумасшедшего, хотя скорее так можно было выразиться о Деревенщине.

– Вот! И проблем никаких нет! – крикнул я и сунул ему то, что осталось от конфеты, а сам с удовольствием поспешил перейти к следующему ряду.

Что странно, Бубен при этом не отказался попробовать то, что осталось от конфеты, какой бы брезгливостью он не обладал.

Вскоре список подошел к концу, и когда по конфете оказалось у всех, включая Кенку, потому что с ней я поделился новой, узнав, что ее обокрали, вопросов ко мне, зачем я пришел, больше не было.

– Ну что, теперь вы дадите мне возможность с вами поговорить?

– Да! – прокричали все.

– Нет! – протянула Арка.

– Ну вот и прекрасно! – не обратил внимание я на то, что она сказала. – Тогда слушайте. Знаете, ребята, вы мне понравились. Я понял, что вы ничем не хуже моих злых сокомандников.

– Да что ты? Это угроза или комплимент? – все никак не унималась Арка, но я сдерживал свою злобу по отношению к ней, зная, что не имею права поднимать на нее руку. Это может сделать только Бубен.

– Нет. Это комплимент и констатация факта! – смиренно ответил я и, не обращая на нее внимания, продолжил, надеясь, что Арка больше не станет меня перебивать. – Увидев вас, друзья мои, я понял, что на меня с небес упало озарение!

– Да ну? – не поверила Арка. – И ты понял, наконец, что тебе здесь не рады!

– Да нет же! – перебил ее я. – Я осознал, что моя миссия в этом мире – объединить наши команды! Вы же мне в этом поможете?

Я рассчитывал на согласие и моральную поддержку с их стороны, но они отреагировали совершенно иначе. Стоило мне закончить говорить, как они все разом переглянулись и захотали изо всех сил, кто во что горазд.

Изысканнее всех смеялась Роза. Судя по ее смеху, можно было подумать, что она не в военном лагере, а в цирке, и что прямо сейчас у нее перед глазами на сцене появились клоуны, у одного из которых предательски лопнул красный шарик, и он заплакал, а Роза засмеялась.

Смех Кенки напоминал прощальный крик чайки, и судя по звукам, которые она издавала, можно было предположить, что за завтраком она безжалостно съела одну из них, и сейчас эта бедная птица пытается выбраться наружу.

Смеялись абсолютно все, и даже Щенка, на фотографию которой я готов был молиться. Она билась о бортики кровати и каталась по ней из стороны в сторону, извиваясь, как колбаска, изредка выкрикивая слова, сказанные мной минутой раньше, неистово смеясь надо мной, да так, что мне стало стыдно.

Но громче всех хохотала, разумеется, Арка. Ее настолько рассмешили мои слова, что она, больше не в силах держаться на ногах, пала на пол и извивалась на нем, как змея, притворно похрюкивая.

Я покраснел от стыда и подумал, что сказал что-то не то, увидя их реакцию. Не смеялся один лишь Бубен, впрочем, как и всегда. Он стоял молча и с жалостью смотрел на меня. По его взгляду можно было сказать, что он готов был всех здесь перестрелять, кроме меня.

– Что смешного? – не вытерпел я и уже перестал надеяться на помощь, как вдруг она пришла оттуда, откуда я ее совсем не ждал.

– Хочешь объединить команды, говоришь? – выдержанно переспросил Бубен, подзывая меня к себе.

– Да! – неуверенно прошептал я, застенчиво подбегая к нему. Я ожидал увидеть протянутую руку помощи от кого угодно, но уж точно не от него.

– В таком случае, я могу тебе помочь – согласился он, беря меня за руку.

– Правда? – не поверил я.

– Да, – подтвердил он свои слова.

– Спасибо!

И я, не веря, что это делаю, взял его руку и побежал вслед за ним вприпрыжку туда, куда он меня повел.

– Ты куда его повел, Легавый? – кричала во всю глотку Арка, пока остальные смеялись.

Но ее никто не слушал.

Вернемся к злым собакам. Согласно приказу Лайки, они были вынуждены покинуть замок и отправиться на мои поиски, искренне надеясь, что я все еще жив и лежу там, дожидаясь их помощи, что было практически невозможно. Удар копьём в сердце для многих смертелен... С другой стороны, кто захочет лежать на одном месте раненым, оставшись в живых?

Вернувшись на то место, где я лежал, Далман, Бокс и Дворняжка устремили свои взгляды на землю, где должно было находиться мое тело и в ужасе переглянулись, увидя, что меня там не было. На траве остался только едва различимый человеческому глазу отпечаток крови.

– Что за чертовщина? – произнес Далман, нервно оглядываясь по сторонам и, почуввав что-то не ладное, наострил копьё.

– Нет, этого не может быть... – пробормотала Дворняжка и припала к земле, ощупывая мокрую траву руками. – Ково... Где же ты?

– Какого черта? – вскричал Бокс, ударяя копьём о землю, ища ответа у Далмана. – Он же лежал здесь... Ты же убил его!

Далман окинул взглядом пятна крови, оставшиеся после меня, и выдержанно произнес:

– Здесь не обошлось без исчадий ада... скорее всего, его тело сожрал какой-то хищник. Подозреваю, что это мог быть Саблезуб. Он любит теплое, еще не остывшее мясо...

В небе раздался раскат грома, и на глаза Дворняжки навернулись слезы.

– Это ты во всем виноват! Ты убил его! – закричала она и накинулась на Далмана с копьём, но опытный охотник отразил удар. Девочка отлетела в сторону и с визгом упала на землю, ударившись головой. Из ее правой ноздри потекла тоненькая струйка крови.

– Никто не виноват! – прорычал Далман, стараясь казаться справедливым. – У меня не было выбора. Мне пришлось убить его, а иначе мы остались бы без добычи, и тогда бы Лайка не спустила нам это с рук в 14-ый раз! Я бы посмотрел на тебя, как бы ты себя повела на моем месте?

– Я бы не стала убивать его... – горестно пролепетала Дворняжка, лежа на том же месте, где и я несколько часов назад. – Никакой порядочный человек не поступил бы так, окажись он даже в безвыходной ситуации.

Боксу надоело тратить время впустую и слушать, как они препираются, поэтому он заявил:

– И что теперь делать? Возвращаться без него и идти обратно, на верную смерть?

– Вовсе нет. Никто не говорит, что мы обязаны делать это. – рассудительно заявил Далман. – У нас есть возможность покинуть страну и уйти в скитания, навсегда распрощавшись со своей службой у Лайки. Только так мы сможем остаться в живых.

– В таком случае, нам нельзя терять время. – согласился Бокс, и они вместе помогли Дворняжке встать.

– В таком случае, нам надо выдвигаться прямо сейчас, – сказали они хором и, взявшись за руки, отправились в путь-дорогу, задавшись целью как можно быстрее покинуть Злэйзию.

Спустя полчаса непрерывной ходьбы, им удалось навсегда покинуть Конурск; но они и не думали останавливаться и, сберегая силы, продолжали путь, не посмеив ни разу повернуть голову в сторону дома.

В данный момент они шли мимо «Потустороннего рынка» – всемирно известной торговой губернии, граничащей с их столицей, из которой они только что вышли. В этой губернии обитали такие неоднозначные личности, как Шаман Василий, «Малышки – белые мышки» – танцевальная группа, участницы которой всегда занимали первые места, зачаровывая судей, а также другие не менее известные личности. Сейчас перед ребятами стояла задача не попасться на глаза не им, не Шаману и обходить всех посетителей рынка стороной. Кто знает, на что они способны? Вдруг они узнают их сквозь черные мантии и капюшоны и позовут охрану?

Внезапно что-то заставило Далмана резко остановиться.

– В чем дело? – сердито поинтересовался Бокс.

– Лайфоны... – проговорил Далман.

– Чего? – ни слова не поняла Дворняжка.

– Я говорю, есть у вас с собой лайфоны – рации то бишь?

– Конечно есть! – гордо пробормотал Бокс, хвалясь своим средством связи последней модели и в качестве доказательства вынул его из кармана.

Он думал, что сейчас все начнут его хвалить за то, что ему удалось украсть из магазина самый навороченный лайфон, но этого не произошло. Поведение Далмана было непредсказуемым. Он выхватил у него его гордость и, бросив на землю, яростно растоптал в пух и прах.

Взгляды покупателей сразу же привлекла эта странная троица в черных одеяниях.

– Что ты делаешь? – вскричал Бокс и потянулся за своей покалеченной рацией, но Далман ударил его по руке.

– Да что с тобой? – испугался Бокс, хватаясь за ушибленное место.

– Мы должны устранить все средства связи с нашего прошлого места работы. А иначе нас могут вычислить и запросто проследить за нами!

– Но... – прошептала Дворняжка, пряча за спиной телефон.

– Давай, тогда ее тоже ломай! И не забудь потом деньги вернуть нам обоим за нанесенный моральный и физический ущерб! – предъявил Бокс.

– Дворняжка... – проговорил Далман. – Отдай свою рацию мне! Так будет лучше для нас всех!

– Но ты же ее сломаешь! – промолвила Дворняжка, стискивая зубы, и еще крепче сжимая лайфон в руках.

– Что ты с ней церемонишься? Просто возьми и отбери его у нее! – прокричал Бокс и, не дожидаясь ответа, выхватил у Дворняжки телефон, сломав его с такой силой, что та взвизгнула от неожиданности.

– Ну зачем ты так? – встал Далман на защиту Дворняжки, но Бокс его прервал:
– Время – деньги! Чем меньше препираемся, тем дальше продвигаемся. Нужно продолжать дорогу!

И оставшиеся двое послушали его. Бокс и Далман шли впереди и увлеченно болтали о чем-то своем, а Дворняжка медленно плелась в самом хвосте. На ее лице сияла улыбка. Бокс и Далман не знали, что у нее в кармане юбки припрятан еще один запасной телефон...

А теперь чудесным образом давайте опять переместимся в Полиэзию. Солнце стояло уже высоко и радовало всех своим светом, но его лучи лишь слегка проникали в окна полицейского замка.

Бубен привел меня в странную комнату, площадь которой на вид не превышала 20-ти квадратов и поставил перед собой на вязаный бабушкин ковер, а сам сел на диван.

– Вы уверены, что это подходящее место для решения политических проблем? – испуганно спросил я, чувствуя себя не совсем удобно.

На его лице проступила улыбка. Он приподнял спинку дивана рядом с собой и вытащил из – под нее пожелтевший лист бумаги, на котором что-то было написано на английском – универсальном для обеих стран языке и пояснил:

– В нашем мире не все так просто. Если ты хочешь, чтобы тебе помогли, то ты сам должен помочь этому человеку.

Я ничего не понял и вопросительно посмотрел на него.

– Это – договор. В нем ты должен поставить свое имя и подпись, в нужных местах, отведенных для этого.

– Можно... ознакомиться с условиями сделки? – задал я вопрос самыми умными словами, которые только знал.

– Тебя что, в детстве мать читать не учила?

– Не учила... – тихо прошептал я и опустил голову.

– Ах она, негодница! Дай сюда! – он неохотно выхватил у меня листок и зачитал вслух то, что там было написано. – Я (тут впишешь свое имя) даю клятву перед Группой, что на пожизненный срок продаю свою душу и тело Бубну Фуражкину и клянусь, что буду беспрекословно во всем его слушаться взамен на то, что он поможет мне совместным трудом закончить войну и объединить страны. Услуга за услугу!

– Что это значит? – не понял я смысла некоторых слов. – Продаю свои душу и тело? Это никак не связано со вступлением на сторону сил зла, которыми управляет Дьявол?

Он глубоко вздохнул и пояснил:

– При чем здесь Дьявол, объясни мне на милость?

Поняв, что дьявол здесь не при чем, я немного успокоился, и это позволило мне начать понимать суть договора.

– Что непонятного? Один час совместного времяпровождения – один совет от меня и один шаг к объединению.

Я жалостливо посмотрел на него.

– До сих пор не понял? – упавшим голосом спросил он, устав со мной возиться.

Я грустно кивнул головой.

– Ну, тогда сам сейчас все поймешь! Перед этим не забудь написать в пробеле свои фамилию и имя и снизу поставить свою подпись!

– Но у меня нет чернил... – испуганно прошептал я.

Он достал из кармана лезвие и слегка порезал мне палец на левой руке со словами:

– Вот тебе и чернила!

Я вздрогнул от боли, но все же сделал то, что он просил и написал свои инициалы, а внизу поставил маленький красный крестик. Это была моя подпись.

– Вот и молодец!

Я и не заметил, как договор сам по себе исчез.

– Все будет хорошо! – пообещал он мне и, усадив меня рядом с собой на диван, заварил нам чай и начал доставать из комода настольные игры.

Вы устали? Отвлечемся на секунду. Настала пора рассказать вам, почему же меня все-таки считали странным жителем моей же страны и что конкретно со мной было не так. Да, конечно, это связано с постоянными сменами настроения и непредсказуемым поведением, но сейчас речь пойдет не об этом.

В тот день, когда я появился на свет, врачи взяли меня на руки, чтобы посмотреть, все ли со мной в порядке, и ужаснулись... из моей головы торчал мелкий кусочек Камнезлэйзкого ромба. Получается, я все-таки врал вам, читатели... Сам камень можно победить не только Солнечным амулетом... но и частичкой самого камня, если она есть в вас самих. Жаль, что я не знал об этом... Если бы эту информацию от меня не утаили, я бы уже давно смог обезопасить своих сокомандников от влияния проклятого камня...

Заботливые доктора постарались скрыть этот изъян от глаз Лайки и вдавили кусочек Камнезлэйзкого ромба мне в голову, но это только усугубило положение... он вьелся мне в мозг и начал пожирать меня изнутри. И хотя он отталкивал от меня волны злобы и жестокости самого ромба, мой мозг был уже порабощён им самим, и в итоге, мне досталась одна отличительная отрицательная черта характера – я везде искал подвох, и даже там, где его нет, я все равно его видел. Вот он – мой главный минус... я до смерти боялся незнакомых мне людей, и не мог нормально с ними контактировать, пока они не докажут мне, что я им действительно дорог. В словах и поведении короля Бубна я также почувствовал подвох.

А между тем, встретив меня и услышав мои красноречивые душеизлияния, Бубен впервые за всю свою жизнь смог почувствовать себя «живым» и погрузиться в детство, которого у него не было. В моем образе он увидел самого себя в детстве. И этот мой образ заставил его не потерять веру в человечество, и он вынудил меня подписать договор, чтобы почаще проводить со мной время и помочь мне, потому что не умел словесно договариваться, без всяких условий... А я воспринял все это совершенно по-другому. Может быть потому, что он порезал мне палец? Мне казалось, что сейчас он схватит меня и начнёт делать со мной что-то ужасное, и я застыл на месте от нескольких резких волн страха, прокатившихся по моему телу.

– Какие настольные игры ты предпочитаешь? – спросил он у меня, но я сидел и не мог сдвинуться с места.

Увидев, что со мной что-то не так, он тревожно начал трясти меня, пытаясь привести в сознание.

– Ково! Что с тобой? Ау! Ну очнись же...

«Лайка была права на его счет...» – пронеслось у меня в голове, и я ничего не мог сказать в ответ. Болезнь пересилила меня... да и, как оказалось впоследствии, слухи о короле Бубне сыграли свою роль...

– Отпусти меня! – закричал я и, оттолкнув, сильно ударил его по лицу. Он склонился над землей от боли и хотел схватить меня за одежду, но я вовремя увернулся и помчался отсюда прочь, как можно дальше от него и от этого злополучного места. Я слышал, как он кричал мне вслед:

– Стой, куда же ты? Не оставляй меня здесь одного!

Мне казалось, что он гонится за мной, и от этого у меня еще сильнее перехватывало дух. Я бежал по местам, по которым он вел меня, и еле удерживался, чтобы не упасть в обморок от волнения и шока. Спотыкаясь обо все, что не попадая и врезаюсь в стены, мне все-таки удалось преодолеть ряд комнат, и чтобы выбраться отсюда, оставалось лишь пробежать через общежитие, никого не сбив, что у меня, конечно же, не получилось.

– Осторожно!

– Куда ты так несешься!?

– Аккуратнее! – доносились до меня голоса полицейшек, прежде чем они исчезали у меня под ногами.

Я не желал никому из них зла, но сейчас у меня абсолютно не было времени на общение с ними, поэтому я, сбив человек пятнадцать, устремился прочь, слыша вдогонку сердитые возгласы.

– Ну что, Страшный? Как пообщался с Легавым? – орала Арка на повышенных тонах, но я ее не слышал.

У меня не было времени даже на то, чтобы навсегда распрощаться с Щенкой... Выбежав на улицу, я перелетел через порог и устремился бежать далеко – далеко, в поле, не оглядываясь. Мне было страшно от одной только мысли о том, что мне придется сюда возвращаться. И, запутавшись в высоких зарослях ковыля, поглощённых вечерним туманом, я разразился в слезах от безысходности, но даже сейчас не мог позволить себе передохнуть и продолжал бежать. Мой страх был напрасен – меня никто не преследовал. Вслед мне светила только бледная луна, недавно взошедшая на небо.

Бубен за меня очень сильно переживал, так как не знал, куда меня может привести под-сознание и где меня искать? Его успокаивала единственная надежда, что я все же вернусь... Одного он не мог понять... до этого момента он был уверен в том, что я питаю к нему взаимную симпатию и задавался вопросом: что же со мной случилось?..

Далман, Бокс и Дворняжка успели преодолеть еще несколько городов и, проходя через торговый злэйзкий город Адеру, в ближайшие часы планировали покинуть Злэйзию. Вдали

уже виднелись египетские пирамиды, а точнее, их копии с табличкой «Герциния». Это было название соседней южной страны. Табличка говорила о том, что граница близка, и путь, проделанный ими, был пройден не напрасно.

– Ура...Выход... – промямлил Бокс, и на его глазах проступили, пожалуй, первые в жизни слезинки, как вдруг, неожиданно – негаданно в кармане кожаной куртки Дворняжки затрещал телефон и заиграла мелодия «А я иду такая вся...»

– Ой... – пробормотала она, поняв, что влипла по полной.

– Дворняжка, какого черта? – завопил Бокс, вздрагивая от неожиданности. – Ты же отдала нам свой телефон!

– А кто сказал, что у меня с собой нет еще одного? – с лукавой улыбкой спросила она и потянулась в карман за лайфоном, чтобы взять трубку.

– Ничего страшного! С кем не бывает! – весело усмехнулся Далман и вежливо потребовал: – Отдай рацию мне!

– Нет! – угрюмо замотала головой девушка и поднесла трубку к уху.

– Что значит нет? – нетерпеливо поинтересовался Далман и закричал уже в один голос с Боксом: – НЕТ! увидя, что она уже успела взять трубку.

Но было уже слишком поздно, – Дворняжка приняла вызов.

– Алло! Кто это? Лайка? – Бокс упал в обморок от страха за самого себя и других, а Дворняжка продолжала разговаривать. – Что Вам нужно? Разве Вы не хотите нас убить?

– Ну ты, Дворняжка, и бесстрашная... – раздался грубый голос Лайки по ту сторону трубки. – Я не знаю, где вы сейчас и почему не вернулись, но можете ничего не бояться. Я не таю на вас обиды и жду вас дома.

– А ... как же Ково? – не смог удержаться и не задать этот вопрос Бокс.

– Да с ним все понятно... – разочарованно проговорила Лайка. – Я уже хотела «вешать» вас, пока не зашла в свой телефон и не узнала благодаря одному полезному приложению, что этот остопоп жив и здоров. Он зачем-то на два часа прилегал отдохнуть на травку, а затем спас принцессу полицешек, пойманную вами, и смылся вместе с ней к ним в гости... Он до сих пор там, предатель несчастный...

– То есть... вы не будете нас убивать? – с надеждой спросил Далман.

– Ну, конечно! Зачем мне это делать? Идите домой, там вас ждет вкусный ужин! – сказала Лайка и бросила трубку.

И как только она это сделала, Бокс и Далман с облегчением вздохнули, а Дворняжка закричала:

– Вот видите! Что бы было, если бы я не взяла трубку? Мы бы так и шли, куда ноги поведут, пока не упали бы от изнеможения!

– И что нам теперь делать? – прервал ее Бокс. – Идти ровно столько же миль обратно?

– А что ты еще предлагаешь? – прервал его поток негодования Далман. – Ослушаться и заработать порцию звездюлей от Лайки?

Бокс обреченно вздохнул: – Пошли...

– Чем быстрее придем, тем быстрее сможем нормально поесть, – завершил свою рассудительную речь Далман и повлек за собой остальных.

Бокс сматерился про себя по-испански, чтобы уж точно никто не услышал, но все же пошел. А радостная Дворняжка вприпрыжку бежала за Далманом, напевая своим тоненьким голоском:

– Сейчас меня покормят... сейчас я буду кушать!

Правила и меры предосторожности, конечно, надо соблюдать, но иногда можно от них отойти, предполагая, что так будет лучше, – как это сделала Дворняжка. И тогда удача посетит вас.

На улице стемнело, и погода испортилась словно по мановению волшебной палочки. Я бежал через ту самую полянку, на которой мы с Щенкой гуляли несколько часов назад, с грустной улыбкой вспоминая те счастливые моменты, которые мы провели вместе. Только я, Щенка и ярко светящее солнце, – ничего больше. Сейчас же небо заволокли серые, как пыль тучи и начали поливать дождем все, что видели на своем пути, простужая мои слабые легкие.

Дождь мчался за мной, как гепард за учуянной добычей, и вот уже почти нагнал меня, когда я сам развернулся к нему, и он ударил мне прямо в лицо. Я готов был отдать все, что у меня есть, только бы вернуть те беззаботные времена, когда мы были с Щенкой вместе. Слыша, как ударяет гром, и видя, как сверкает молния, я с ужасом смотрел на разгул стихии, и меня не покидала одна лишь мысль – «Зачем я вообще пошел к полицешкам?»

Но ответ на вопрос пришел ко мне сам. «Кто поможет им наладить отношения между странами? Кто, если не я?» Сверкнула молния, расколов своим ударом дерево, сжигая его дотла, прямо у меня на глазах, и я почувствовал, как мной снова овладевает страх. Сверкнув красными, запавшими от слез глазами, я продолжил бежать, думая, что навсегда покидаю Полиэзию и, зная, что спасение только одно – вернуться домой и попить горячего чая, чтобы успокоиться и забыть про все невзгоды.

Конец моих страданий был близок. По крайней мере, я так думал. Подходя к дому, я вытер слезы рукавом и прищурился, чтобы убедиться, в правильном ли направлении я иду. И, о да! Мне повезло. Он предстал передо мной во всей своей красе – каменный, средневековый замок. Высотой в несколько сотен метров, мелкие башенки которого упирались в бушующее небо и не были видны невооруженному глазу. Это зловещее место и было Злэйским замком. Но для меня оно называлось по – другому. Просто и понятно – дом.

Подбежав ко входу, я хотел быстро и незаметно проникнуть внутрь, но неожиданно дорогу мне загрохотали два великана – охранника, скрещивая передо мной алебарды. Рост их был настолько велик, что превышал несколько метров, а головы и вовсе не были видны, как и башни замка. Я хотел попросить их освободить дорогу. Но они первыми заговорили со мной и пробасили: «Несчастливым предателям и неудачникам вход воспрещен!»

Их слова навсегда отпечатались в моем разуме, так как я уже не раз слышал их из уст Лайки, и мое сердце дрогнуло.

– Что? – тихо прошептал я и, не услышав ответа, понял, что спасения в виде родного дома и верных друзей мне не видать. За мной навеки закрепилась репутация предателя в родной стране. На мои глаза снова навернулись слезы. Один из охранников все же сжалился надо мной и, склонившись ко мне, произнес:

– Извините, господин, но Вам здесь не рады! Ваша мать строго наказала нам не пускать именно Вас и пригрозила нам смертной казнью!

– Угу. – в качестве подтверждения кивнул головой второй охранник.

Он был не особо разговорчивый.

– Ладно... – смирился я со своей плачевной участью и, поблагодарив их, сказал: – Спасибо и на том, что уделили мне внимание. Рад, что это сделал хотя бы кто-то.

И я побрел, куда глаза глядят, как можно дальше от бывшего места жительства.

На этот раз идти мне было некуда. Я был чужим не только у врагов, но и у своих тоже, что было для меня крайне непривычно и сводило с ума. Дождь все еще поливал как из ведра, когда я, не ведая, куда иду, забрел на детскую площадку, находившуюся на территории неизвестно какой страны. Сначала она не вызывала у меня никаких эмоций и не давала мне подсказок, пока я не увидел поломанную карусель.

Но ужасная привычка все преувеличивать снова напала на меня, и я вспомнил, как в детстве катался на такой же, только немного крупнее, и не один. В парке аттракционов таких каруселей было много, но именно мне досталась та, фундамент которой треснул, и электроэнергия перестала поступать по проводам. Все дети, катающаяся вместе со мной на карусели,

мигом разинули рты и закричали, в страхе упасть с такой высоты на жесткий асфальт. Их крики переплетались с воплями тех, кто стоял внизу, и я осознал, что их участь – быть задавленными этой железной громадиной. Казалось, что все эти крики слились в один общий истеричный крик, по своим параметрам превышающий силу ультразвука. Я кричал вместе со всеми и старался удержаться за ручки своего сиденья, думая, что оно застынет в воздухе и никуда не упадет, но это было, согласно законам физики, невозможно.

Карусель рухнула прямо на голову тем, кто меньше всего этого ожидал, и придавила их своим весом. Я упал вместе с ней, зажмурившись, чтобы смягчить падение, но на этом все прекратилось. С меня словно сняли очки виртуальной реальности. Оказалось, что все это – сон. Страшный, но зато очень короткий.

Я открыл глаза, находясь в конурском парке аттракционов, и спокойно выдохнул, жуя соленый попкорн, как вдруг мне показалось, что земля задрожала. Я тревожно поднял глаза. И невольно окаменел. Верхняя часть карусели, находившейся прямо у меня над головой, отделилась от нижней. И стремительно летела на меня, прямо вниз, вместе с теми, кто решил на ней прокатиться в это неудачное время. Этот день запомнился мне надолго. Не каждый смог тогда выбраться живым из-под груды обломков, а невредимым и вовсе остался только я один. И то лишь благодаря усилиям спасателей.

Каждый раз я вспоминал об этой истории с грустью, видя на очередной площадке карусель. Но на этот раз все было еще хуже. Эта карусель выглядела совсем по-другому. Старые, ржавые железные балки, торчащие из ее краев со всех сторон, словно протягивали ко мне свои руки... Я рухнул на землю от внезапного приступа головокружения и нещадно забился в истерике...

Не помню, сколько времени прошло, пока здравые мысли вновь не посетили меня. «Зачем мне все это? – подумал я. – Разве тратить время на слезы, когда его и так критически мало, выход? Нужно срочно позвонить в полицию и рассказать им обо всем!» – догадался я и, доставая из кармана рацию, набрал дрожащими от холода пальцами, две заветные цифры – 02, и прижал телефон к уху, не зная, зачем я вообще туда звоню и на что собираюсь жаловаться... на то, что ударил ни в чем неповинного человека или на то, что меня заслуженно прогнали из дома?

Я нервно кусал кончики пальцев, пока по ту сторону трубки не послышался голос:

– Здравствуйте. Чем я могу Вам помочь?

Я был несказанно рад вновь услышать человеческий голос и в надежде на спасение, решил открыться ему:

– Здравствуйте! Меня зовут Ковено Страшилкин, мне скоро исполнится 10 лет. Прямо сейчас я нахожусь... не знаю, где точно. Но, похоже, это какая-то детская площадка. Только что меня прогнали из дома. А несколько часов назад ко мне приставал олигофрен, убивший моего отца! Прошу Вас всей душой, господин полицейский, пожалуйста, помогите, что мне делать?

– Ты думаешь, мне приятно это слышать, Ково? – спросил все тот же голос, и в эту же секунду он показался мне до боли знакомым. Очередное серое облако окатило меня целым водопадом жидкости, а в мою голову словно бы ударил сильный раскат молнии. И тогда я все понял. Со мной разговаривал не кто иной, как Бубен Фуражкин из полицейской команды.

– Что? Почему Вы взяли трубку? Я же звонил в полицию! – прокричал я, захлебываясь в слезах, но он не обращал внимания на мой тон и, несмотря ни на что, разговаривал со мной спокойно.

– Похоже, ты так и не понял? Подписав договор, ты не обрек себя на пожизненные страдания! Я просто хочу тебе помочь, просто хочу почаще видеть тебя!

Я не мог слушать это без слез и еще сильнее пугался его. Мне казалось, что мне грозит опасность, а он продолжал:

– Смотрю, ты там не скучаешь... Решил сдать меня полиции за то, что я заставил тебя подписать бумажку? Хороший ход... Я и есть – полиция! На то мы и – полицейские собаки!

В ужасе я закрыл рот руками и опустил голову. Прямо сейчас передо мной стоял выбор, который мог повлиять на всю мою дальнейшую жизнь. Я могу разбить телефон о землю и продолжить скитаться по миру, в поисках другого места, где меня примут таким, какой я есть, и навсегда забыть про объединение. Либо же... избавиться, наконец, от приступов этой тупой болезни и постараться пересилить свои внутренние убеждения насчет короля Бубна, пойдя на риск работать с ним, не зная, простит он меня, или нет...

Бубен – единственный из шестидесяти с небольшим человек, кто согласился принять участие в моей жизни и идти вместе со мной до конца. Так почему же мне не сделать то же самое? Ведь только так я смогу объединить страны, без посторонней помощи мне не справиться! Но что-то ведь не зря отталкивало меня в нем... Я посмотрел на сгусток крови, вытекшей из моего носа, и решение само пришло ко мне. «Для начала надо извиниться», – подумал я и вместо того, чтобы разбить трубку, поднес ее к уху.

– Простите меня... – дрожащим голосом извинился я. – За всю суматоху, доставленную мной без особого на то повода. Я сожалею о том, что не принял Вашу помощь! Но теперь я понял, что она для меня значит... как и Вы. И добавил: – Я готов вернуться и помочь Вам справиться с одиночеством, взамен на ценную информацию и помощь. Ждите меня, я скоро вернусь.

Я не ведал, что говорю и не знал, искренни ли мои извинения. По ту сторону трубки послышались странные звуки, словно чье-то прерывистое дыхание прекратилось, и он, выждав паузу, сказал мне:

– Так бы сразу... давно пора принять то, что уже нельзя изменить. Я жду тебя, Ковушко, приходи как можно скорее!

Раздался гудок и звук повешенной трубки. По небу гуляли неистовые раскаты молнии, но где-то вдали, на горизонте, я увидел просветление. В этом огромном черном море, бушующем надо мной всю ночь, появился маленький островок надежды – яркое солнце пробуждалось и вставало, ближе к утру, прогоняя со своего места луну, создав эффект оранжевого неба для всей Злэйзии. Но даже такое красивое природное явление, как борьба солнца и луны, на фоне раскатов молнии, не могли заглушить мой глубочайший страх. Его мог побороть только я сам, перестав бояться чего-то нового, а на это надо много времени... но терять его было нельзя.

Теперь вся моя жизнь будет потрачена только на достижение своей цели – объединения, и я должен принять этот факт, я же сам загорелся этой идеей. А иначе, от меня отвернется единственный человек, которому я нужен. Делать было нечего и, в последний раз взглянув на небо, я понял, что луна все – таки одержала верх над солнцем и заставила его уйти обратно. Но кто сказал, что она не сможет освещать Злэйзские окрестности, так же хорошо, как и солнце? Тяжело вздохнув, я побрел к полицешкам. Можно сказать, на новое место жительства.

Мораль сего повествования такова – научитесь видеть в людях хорошее и открываться в ответ тем, кто открывается вам. Не составляйте о человеке ложное мнение по словам других... это может оказаться неправдой. Ваши слова и действия способны ранить его сильнее оружия. Всегда живите по нормам морали, и не употребляйте продукты, запрещенные законом. И никогда, слышите, никогда, не переходите дорогу Саблезубому Зубоскалу! Это самое главное правило, а остальное уже не столь важно.

Часть 2. Развитие событий.

Рассказ 3. Урок 1. Охота.

Все получилось ровно так, как я обещал. Я достаточно быстро сумел добраться до дома полицешек и, открыв дверь нараспашку, чтобы к ним залетело побольше ядовитых мух, вошел внутрь. Мне было стыдно вновь возвращаться сюда, но я все-таки сумел пересилить себя и переступил через порог этого дома, не снимая обувь. Во время предыдущего визита я успел выучить расположение комнат в полицейском дворце наизусть, и без труда сумел добраться до общежития, чтобы через него пройти в ту самую злосчастную комнату, где все и случилось.

Войдя в это, как правило, шумное место, я прислушался и заметил кое-что необычное. Здесь царила полная тишина! Но где же все полицешки, и почему они не орут и не кидаются друг на друга? Я повернул голову и сию же минуту все понял. Академисты не шумели, потому что были увлечены просмотром телевизора. Мне стало интересно, что они там с таким энтузиазмом смотрят всей гурьбой, и я невольно приковал взгляд к экрану телевизора вместе с ними. А там и правда шла интересная программа.

«Доброе утро, дорогие телезрители! – вещала телеведущая, чем-то напоминающая журналистку Янку Рассу, – зачитывая уже готовый текст. – Это программа «Новости, через которые вы можете узнать новости вражеского государства». И мы снова с вами!»

Передача настолько заинтересовала меня, что я решил отложить поход к Бубну и досмотреть ее до конца, пристроившись среди рядов только что проснувшихся полицешек. А по телевизору вещали: «Сегодня в Злэйзкой империи случился настоящий полтергейст! Луна, висевшая на небе всю ночь, не захотела уступать место солнцу, и теперь по всей стране царит кромешная мгла! Повезло, что в Полицейзии свои солнце и луна, и мы можем спать спокойно, так как у нас все в полном порядке! Злэйчане в панике, и могут надеяться только на помощь Группы, хватай их Кондратий...»

На этом моменте экран телевизора погас, и раздалось громкое мычание недовольных полицешек, желавших досмотреть новости до конца.

– Эй?

– Ну, что опять?

– Да сколько можно?

– На самом интересном месте!

Всем, включая меня, было интересно, кто лишил всех такого удовольствия, как просмотр телевизора, и наши взгляды одновременно упали на того, в чьих руках был пульт. Кто же это мог сделать? Ну конечно... Арка!

– Аркадия, опять ты за свое? – завыл Бобик Деревенщина, но в него тут же полетел пульт, и он приумолк. Арка уже листала каналы, нажимая на кнопки запасного пульта и увидя, как косо на нее смотрят остальные полицешки, пробурчала:

– Чего вы орете, как недорезанные? Хотите, чтобы Легавый пришел?

При одном только упоминании имени короля Бубна почти половина академистов упала в обморок, но среди них нашлись и смелые. Одной из таких выдающихся личностей стала Кенка. Она не побоялась оспорить точку зрения Арки и заговорить с ней:

– Тогда включи нам что-нибудь другое, если уж лишаешь нас возможности посмотреть новости! «Собачку Кланю», например!

– Нет, только не Кланю! – запротестовал кто-то, но и его крики прекратились, так как прямо ему в голову был запущен уже второй пульт. Арка взяла третий и агрессивно ответила на просьбу Кенки:

– А я чем, по-твоему, занимаюсь? В носу ковыряю? Сейчас, будет тебе «Кланя»! Но, предупреждаю, если реклама опять начнется посреди серии, я запущу в кого-нибудь из вас телевизором!

Все протяжно завывали от недовольства, но буквально через секунду попадали, поскольку Арка запустила последний пульт по рядам... Повезло, что прежде, чем бросить его, она успела нажать на нужную кнопку. Вой прекратился, и на экране появилось желанное изображение и заиграла позитивная музыка.

– Ура! «Кланя»! – захлопала в ладоши Кенка и прильнула к экрану телевизора. Все остальные поворчали – поворчали, но тоже начали смотреть.

А смотреть, как раз-таки было что. «Кланя», хотя и мультик для детей с возрастной категорией 6+, но чудесные спецэффекты, и захватывающий сюжет играли свою роль, и непроизвольно притягивали внимание зрителя. И хотя по телевизору крутили одну и ту же серию, всем было очень интересно наблюдать за тем, как главная героиня, ее лучшая подруга и тираннозавр Радуга побеждают главного злодея, и во всем волшебном мире воцаряется мир.

Вдруг серия неожиданно прервалась, и началась реклама трехслойной туалетной бумаги для всех желающих по доступной цене.

– Ну вот опять! – хотел закричать кто-то, но не сделал этого, так как услышал звук разбивающегося вдребезги окна.

Арка выполнила свое обещание и, прокричав: «Черт! Опять эта реклама!» – взяла телевизор и запустила им в толпу полицешек. Все расступились. Один только Деревенщина вовремя не успел отойти в сторону, из-за чего и вылетел в окно вместе с телевизором.

Все полицешки быстро разбежались, испугавшись Аркиного гнева. И я поспешил убраться вместе с ними, с целью остаться незамеченным. В комнате осталась лишь Щенка, она сидела на ковре ко мне спиной и продолжала пялиться в стену, думая, что на ней внезапно может появиться изображение. Я хотел пройти мимо нее, но она резко повернула ко мне голову, взирая на меня своими лазурно-голубыми глазами.

– Привет, Щеночка! – замялся я, махая ей рукой с натянутой улыбкой. – Извини, я не сразу тебя заметил...

– Ково? – изумленно пробормотала она. – Что ты здесь делаешь? И... почему ушел вчера, не попрощавшись?

Я покраснел, чувствуя, что сейчас придется немного приврать, и сказал первое, что пришло мне на ум:

– А... я хотел попрощаться! Но... дело в том, что дома у меня много дел, и... я не смог выделить на это время.

Щенка была очень пронциательным человеком, и сразу же заметила по моему грустному выражению лица, что со мной что-то не так.

– Что-то случилось? Тебя кто-то обидел? – спросила она.

– Нет! Вовсе нет! Я просто... очень устал... – начал оправдываться я, чувствуя, как мне становится стыдно перед ней и ее отцом.

– Не ври мне! – с упреком сказала она. – Я – тот человек, которому можно довериться! Ты можешь все мне рассказать! Я всем... ой! То есть, никому не разболтаю!

– Точно?

– Да!

Это «да» из ее уст звучало так утвердительно, что я поверил ей на слово. К тому же, желание поведать о своих переживаниях лучшей подруге распирало меня. Хотя, это довольно сомнительное удовольствие... рассказывать человеку о том, как ты нахамил его родителям...

– Хорошо, – пошел на уступки я. – Только не здесь, а... в более укромном местечке!

– Конечно! Без сомнения, такое место есть, – воскликнула Щенка. – Я отведу тебя туда прямо сейчас!

И она, больно сжимая мою руку, потащила меня по всем коридорам и закоулкам замка. Когда мы поднимались по очередной лестнице, она сказала:

– Хотя у нас и нет второго этажа, зато есть комната, которую можно считать сразу за две! И вот... секунда, другая, и мы уже прибыли на место назначения.

Подняв голову вверх, я не поверил своим глазам. «Неужели такое маленькое здание, может таить в себе столько сюрпризов?» – подумал я и с интересом начал разглядывать каждый уголок этой комнаты, восхищаясь ей.

Все помещение было сверху до низу пропитано «духом богатой старины». Казалось, ему лет двести, не меньше, но при этом оно выглядело достаточно современно. Зал повсюду украшали маленькие белые лесенки и колонны, оформленные в средневековом стиле. В центре верхней части комнаты красовалась огромная люстра величиной со свинью, похожая на недавно испеченный праздничный торт, перевернутый вверх тормашками, каждый из слоев которого был украшен маленькими свечками и немного надкусан. Обои были оформлены, как в викторианскую эпоху, в кружевном стиле. В их цвете преобладали оттенки зеленого.

Протяженность этой комнаты была настолько велика, что могла бы потягаться и с моей комнатой, а высота была так огромна, что могла уместить в себя трех взрослых слонов, вставших друг на друга. Все это «поле чудес» украшало настоящее чудо – миниатюрный фонтанчик, сделанный из мрамора, вода из которого непрерывно выливалась, журча, и тем самым улаживая слух и переливаясь всеми цветами радуги...

– Ух-ты... – вырвалось из моих уст. – Потрясающе... Здесь очень красиво!

Но Щенка не дала мне толком полюбоваться окружающей обстановкой. И швырнув в меня взглядом, сказала:

– Я привела тебя сюда не для того, чтобы ты восхищался красотами моего дома! Ну что, рассказывай, что там у тебя случилось?!

Я выдохнул из себя все излишки воздуха и хотел уже приступить к рассказу, как она внезапно прервала меня.

– Подожди, стой! Я только что вспомнила новость поважнее твоей, и не могу удержаться, чтобы тебе не рассказать... – У нас сегодня на завтрак такую вкусную котлету давали! Такую вкусную, что у меня после завтрака в туалете такое грандиозное опустошение произошло! Ну как такое можно умалчивать?

Вспомнив Молнию, я понял, в кого Щенка по жизни такая возбужденная и, понизив голос, приставил палец к губам, боясь, что нас кто-то услышит, попросил ее: «А нельзя ли потише?», когда услышал до жути знакомый голос. Он раздавался откуда-то сверху, с одного из балконов, и звал меня: «Ково Страшилкин!»

Я напряженно поднял голову и увидел того, кого больше всего боялся. На балконе, глядя на меня, стоял Бубен. Руки мои задрожали, меня словно парализовало. Я покраснел от стыда и опустил голову.

– Ты где там прохлаждаешься? – спрашивал он у меня, не обращая внимания на Щенку. – Я вообще-то тебя одного жду!

Щенка с укором посмотрела на него и заголосила:

– Папа, что тебе от него надо? Оставь нас в покое!

Но он проигнорировал ее.

– Извини, Щенка... Но долг зовет... Похоже, мне и вправду пора! – извиняясь за неудобство, внесенное в наш разговор ее отцом, промолвил я и, помахав ей рукой, поднялся к Бубну по лестнице.

Он окинул меня взглядом, и на его лице расцвела улыбка. Я ожидал всего, но не этого... мне казалось, что он будет кричать на меня за то, что я так с ним обошелся, но на его лице злости и в помине не было.

– Здравствуй, Ковушко! – поприветствовал он меня шепотом, чтобы Щенка ничего не заподозрила. – Скорее пошли... – и, взяв меня за руку, повел в гостиную. Перед этим он обернулся к Щенке и обратился к ней совершенно в другом тоне: – А ты не стой без дела, а иди и смой то, что осталось после тебя в туалете! И больше не ешь котлету вприкуску с манной кашей с молоком, а то весь дом уже пропитан благовониями после твоего похода в уборную!

Щенка упрямо показала ему язык, но все-таки пошла делать то, что он сказал, так как запах и правда стоял невыносимый. Я же не стал сопротивляться и пошел вслед за ее отцом, так как выбора у меня не было. Надо было достойно попросить прощения.

Мы оба сели на диван. Я – на тот, что ближе к двери, а он – на тот, что стоял у самого окна. Я грустно опустил голову и закрыл лицо руками, не в силах больше терпеть свое постыдное положение. Болезнь немного отступила, и я слишком поздно осознал, что натворил.

– Да, неудобно получилось... – начал он говорить первым, понимая, что у меня не хватит на это смелости. Но, заметив, как мне плохо, добавил. – У тебя что-то случилось? Ты можешь все мне рассказать...

Мои руки непроизвольно затряслись, и стыд наряду с неуверенностью объединились во мне в отчаяние – я заплакал. Чувство страха перед ним покинуло меня лишь тогда, когда я увидел его во второй раз.

В первый день нашей встречи я видел, как он угрожает полицейшкам пистолетом, и как бы ласково он со мной после этого не разговаривал, у меня уже сложилось плохое впечатление о нем, но новый день – причина начать все с чистого листа. Я начал постепенно менять свое мнение о короле Бубне.

Я встал с дивана и неуверенно двинулся в его сторону, после чего ускорил шаг и повис у него на шее. Меня не смущало, что только со мной он был такой добрый, и я взмолился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.